

ТАТЬЯНА ТОМАХ

Река Другой стороны

Финалист
премии

ПРЕКРАСНЫЙ РОМАН,
КОТОРЫЙ ЗАХОТЯТ ПРОЧИТАТЬ ВСЕ

Татьяна Владимировна Томах

Река Другой стороны

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72737278

Река Другой стороны / Т. В. Томах: «Волки на парашютах»: Редакция

Аси Петровой; Москва; 2025

ISBN 9785979104577

Аннотация

«Река Другой стороны» – захватывающий магический детектив, который не оставит равнодушным даже самых искушенных поклонников жанра.

Татьяна Томах – финалист первого сезона премии по детской литературе «Волки на парашютах».

Содержание

Черный гребень	6
Ангелы, демоны, тени и отражения	23
Зверь	46
Тьма и лунный свет	68
Невидимые двери	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Татьяна Томах

Река Другой стороны

Художник: Елена Другова

© Обложка, илл. Другова Е., 2024

Черный гребень

Черный гребень принесла бабушка после своей смерти. А куда делся Хрустальный, Холли так и не узнала.

Визиту мертвой бабушки Холли ничуть не удивилась. Во-первых, в двенадцать лет многие невероятные вещи кажутся нормальными – и, кстати, наоборот: обыденное иногда видится чудом. Во-вторых, за бабушкой водились странности и почище, чем явиться в гости среди ночи в призрачном облике. В-третьих, Холли сперва решила, что видит сон.

Бабушка была одета в свое любимое платье, длинное, до лодыжек, облегающее бедра и грудь. Фигура у нее была огого, на улице со спины ее обычно окликали «девушка» и пытались просить телефончик. Впрочем, когда она оборачивалась на особо назойливые просьбы, незадачливые поклонники быстро ретировались, испуганные не столько строгим лицом, которое, к слову, ничуть не портили редкие морщины, а скорее – чуть снисходительным, королевским взглядом.

Платье было темно-бирюзовым, но сейчас цвет не различался, поскольку и платье, и сама бабушка слегка просвечивали насквозь, мерцая и иногда совсем растворяясь в лунном свете.

– Может быть, чаю? – по-светски предложила Холли, выскальзывая из кровати и заматываясь в халатик. В конце концов, неурочный час и призрачная природа визитера – не по-

вод проявлять невежливость.

Бабушка одобрительно улыбнулась, оценив хорошие манеры внучки, но отрицательно покачала головой. Призракам мало толку от обычных чаепитий – им и чашку-то поднять сложно, не говоря про все остальное.

– Я очень-очень рада тебя видеть, – дрогнувшим голосом сказала Холли, и это была уже не просто вежливость. И не удержалась, спросила самое важное, о чем думала все время с момента бабушкиных похорон: – А... ты не могла бы снова стать живой?

Бабушка опять покачала головой.

– Совсем-совсем никак? – упавшим голосом спросила Холли. И почувствовала, как глаза защипало от слез. До сих пор, несмотря на уверения родителей, она надеялась, что бабушка все-таки как-то сумеет придумать способ, чтобы снова ожить. Ведь бабушка всегда знала, как справиться с любыми неприятностями. Но, видно, смерть оказалась слишком серьезным противником. И хотя Берта Аскольдовна и сумела вырваться, чтобы, пусть и на время, и в призрачном облике, но встретиться еще раз с любимой внучкой, – окончательно побороть собственную смерть даже ей было не по силам.

– И что мне теперь делать? Без тебя... – Холли с трудом подавила всхлип. Она пока еще держалась, чтобы не заплакать, потому что это наверняка бы огорчило бабушку.

Бабушка приблизилась. Походка у нее и при жизни была плавной, королевской, будто Берта Аскольдовна всегда

носила на голове невидимую корону – даже во время обыденных, прозаических занятий вроде замешивания теста для оладушков с яблоками, насчет которых бабушка была большая мастерица. А теперь она двигалась и вовсе будто плыла. Впрочем, возможно, именно так и положено призракам.

Ее лицо оказалось совсем рядом. Оно мерцало в лунном свете, иногда как бы расплывалось, и среди родных черт вдруг мелькало что-то чужое, незнакомое. Как будто каждую секунду снова и снова кто-то складывал пазл бабушкиного лица из света и тьмы, и, случалось, несколько деталек выпадало или появлялись лишние. А потом собранная картинка опять распадалась, и приходилось начинать все сначала. Холли впервые с того момента, как бабушкина фигура появилась на пороге комнаты, стало не по себе.

Она вдруг вспомнила, *что* сама бабушка говорила о смерти – и о тех, кто иногда возвращается из-за смертного порога.

* * *

Когда Холли было семь лет, умер Гарм – бабушкин пес. Черный мохнатый великан, свирепый охранник, угрюмый и злобный хищник для чужаков и самая нежная нянька и лучший друг – для Холли.

Холли рыдала, цепляясь дрожащими пальцами за густую, будто вмиг потускневшую шерсть. Захлебываясь слезами, она кричала: «Не умирай! Дыши! Встань! Не смей умирать,

понял?!.» Но он уже был неживой – Холли это видела и чувствовала, но не могла так просто оставить его, не могла смириться, что уже ничего не сделать, что его больше нет и никогда не будет.

А потом бабушка сказала:

– Довольно.

И, поскольку Холли никак не отреагировала, бабушка разжала ее пальцы и оттащила ее от мертвого пса. Холли сопротивлялась. Бабушка обняла ее, прижала к себе, легонько поцеловала в макушку. От бабушки, как обычно, пахло душистыми травами – горечью полыни, свежестью мяты, тонкой сладостью лаванды. Вдыхая эту привычную, чуть головокружительную смесь ароматов, Холли понемногу успокоилась. И попросила – то, что следовало сделать с самого начала:

– Верни его, пожалуйста. Ты ведь можешь? – она с надеждой посмотрела на бабушку. И у нее упало сердце, когда бабушка печально покачала головой. Наверное, она могла бы просто сказать «не могу» или «это невозможно», но Берта Аскольдовна почти никогда не произносила таких слов.

– Цветочек, – тихо сказала она, – нельзя удерживать мертвых. И тем более нельзя их возвращать. Нельзя звать, когда они уже ушли. Потому что, скорее всего, они не смогут вернуться. Но тебя может услышать кто-нибудь другой. И прийти на твой зов. Кто-то или что-то, чему здесь совсем не место.

Голос бабушки был серьезным, Холли притихла. Ей стало

жутковато от последних слов.

– Я любила его, – пробормотала она.

– Он тоже, – кивнула бабушка, – поэтому ему еще больше слушать, как ты плачешь и зовешь его обратно.

– Он... слышит? – дрогнувшим голосом спросила Холли.

– Думаю, да. Он ведь тоже не хотел оставлять нас. Но он был уже старым, милая. Еле ходил, начинал слепнуть. Движения причиняли ему боль. А главное – понимание, что он уже не может, как раньше, защищать нас. Смерть для него была облегчением. А ты, милая, теперь мучаешь его своими слезами и приказами, которые он больше не может выполнить. А если бы смог – представь, каково возвращаться обратно в это старое, больное и теперь мертвое тело? Разве такого ты хотела бы для того, кого любишь?

– Нет, – пролепетала Холли, отчаянно мотая головой, в ужасе от того, что едва не натворила. – Нет. Конечно, нет. Что мне делать? – тихо спросила она.

– Отпусти его. Пожелай ему легкой дороги – там, куда он пойдет дальше.

И Холли сделала, как она велела. А когда договорила, зажмурившись, чтобы не видеть мертвого Гарма на полу у двери, ей почудилось, что влажный собачий нос тронул ее ладонь, а горячий язык лизнул пальцы – будто невидимый пес, проходя мимо, ткнулся мордой в руку. Конечно, она сейчас же открыла глаза, но никакой собаки рядом не было. А то, что осталось от Гарма, теперь почему-то показалось ей со-

всем неживым и будто ненастоящим – как сброшенная кем-то одежда.

* * *

«...Тебя может услышать кто-нибудь другой. И прийти на твой зов. Кто-то или что-то, чему здесь совсем не место...»

Холли с ужасом смотрела на мерцающее лицо своей бабушки, то узнавая, то не узнавая ее.

«Я горевала о ней. Слишком много плакала, – подумала Холли, – я звала ее. Только... кто пришел ко мне?..» Она попыталась отодвинуться от призрачной Берты Аскольдовны, но уперлась в стену. И похолодела от улыбки, мелькнувшей на мерцающем лице.

– Как... – во рту пересохло от ужаса, Холли с трудом выталкивала слова. Но молчать было еще страшнее. – Как ты называла меня, когда мы были одни?

Бабушка опять улыбнулась и молча покачала головой. Холли только сейчас сообразила, что призрачная Берта Аскольдовна до сих пор не произнесла ни слова. Потому что призраки не говорят? Или потому что это на самом деле была не бабушка?..

Призрак махнул рукой, Холли ахнула, шарахнувшись в сторону – интересно, сумеет она добраться до двери? Но Берта Аскольдовна – или та, кто ей притворялся, – больше не делала резких движений. Она будто что-то рисовала

на своей ладони, быстро комкая тонкими пальцами мерцающую нить из лунного света. И через несколько мгновений протянула Холли раскрытую ладонь. Та удивленно пригляделась. В призрачной руке, сквозь которую виднелись очертания кровати, лежал маленький, сияющий серебряным светом цветок.

– Цветочек, – пролепетала Холли.

Бабушка кивнула и улыбнулась – на этот раз совершенно знакомой, одобрительной улыбкой. Так она улыбалась тогда, когда Холли что-то делала правильно.

Затаив дыхание, Холли протянула руки – и лунный цветок соскользнул в ее ладонь из бабушкиных. «Как я могла решить, что это не она, – подумала Холли, сквозь слезы глядя на мерцающие маленькие лепестки, – как я могла не узнать ее...» Но Берта Аскольдовна, судя по ее одобрительному взгляду, кажется, как раз была довольна подозрительностью Холли.

– Ты не можешь говорить? – спросила Холли. Бабушка кивнула. – Но хочешь мне что-то сказать?

Бабушка улыбнулась. И протянула Холли Черный грёбень.

Холли сперва с ужасом смотрела на него. Он был очень красивый, изящный, с тонкой вязью еле заметного узора и с длинными острыми зубьями, черный и гладкий, будто только что отлитый из смолы или жидкого блестящего стекла. Холли часто любовалась им раньше и часто пыталась взять

в руки или хотя бы потрогать – почему-то он завораживал ее, хотя одновременно и пугал. Но бабушка ни разу не позволила дотронуться до него.

– Если тебе дороги твои руки, Цветочек, – однажды сказала она, – лучше не трогай.

– Он что, кусается? – насмешливо спросила Холли.

– Хуже, – ответила бабушка с таким выражением, что у Холли пропала охота расспрашивать дальше.

И вот теперь Берта Аскольдовна протягивала ей Черный гребень. Сама.

– Это что, мне? – дрогнувшим голосом спросила Холли.

Бабушка кивнула.

Было невежливо заставлять ее ждать. И потом, Холли опять почувствовала то странное притяжение, которое раньше все время заставляло ее тянуть руки к гребню, несмотря на запрет. Как будто он звал ее, как Алису звали зачарованные пирожки и бутылочки: «Съешь меня», «Выпей меня» – хотя ведь яснее ясного, что от напитков с такими надписями надо держаться подальше.

Холли замороженно протянула руку и взяла Черный гребень. Он был гладкий и прохладный – и одновременно теплый. Хотя, конечно, такого не могло быть. Особенно учитывая, что его только что держала рука призрака, а не живого человека. А еще как будто гребень сам был живой. Он даже вроде чуть шевельнулся – то ли устраиваясь поудобнее, то ли раздумывая, не сбежать ли.

– И что мне с ним делать? – растерянно спросила Холли, осторожно держа гребень в раскрытой ладони, даже не решаясь сжать пальцы. Она не понимала, как относиться к странному подарку – то ли как к задремавшей змее, которая может укусить в любой момент, то ли как к птице, которую можно случайно раздавить неосторожным движением.

Бабушка покачала головой и положила свою руку поверх, заставляя Холли сомкнуть пальцы на гребне. Она вздрогнула – и от прикосновения прозрачных прохладных пальцев, и от прикосновения гребня, кольнувшего кожу.

– Ты хочешь, чтобы я хранила его? – неуверенно спросила Холли.

Бабушка улыбнулась и кивнула. А потом приложила палец к ее губам.

– Не говорить никому? Про гребень? И... про тебя?

Бабушка опять кивнула, а потом тронула пальцем левое ухо и сразу же – глаз.

– Слушать? Слушать и смотреть?..

Берта Аскольдовна нахмурилась и шевельнула пальцами, будто подбирая подходящий жест.

– Быть настороже? – предположила Холли и увидела, что бабушка одобрительно улыбнулась.

– Чего мне... надо опасаться?

Бабушка пожала плечами.

– Ты не знаешь? Не знаешь?! Ты приходишь ко мне после смерти, даешь этот страшный гребень, говоришь, что надо

быть осторожной, – и больше ничего не можешь объяснить?! И что мне, по-твоему, делать?!

Берта Аскольдовна укоризненно покачала головой и опять тронула пальцем губы Холли.

– Молчать? Просто молчать... – горько пробормотала Холли. Ей уже было стыдно за недавний крик.

А бабушка вдруг тронула теперь запястье Холли, отогнув рукав халатика, и опять недовольно качнула головой.

– Браслет? – догадалась Холли. – Я помню, ты говорила носить его всегда, и я ношу, правда. Я снимаю его только дома, когда никто не видит, – она смутилась и пояснила тихо: – Понимаешь, он все-таки будто связывает меня. Например, мешает, когда я играю музыку. Так может быть, да? Можно я его все-таки буду снимать? Когда одна?

Бабушка, помедлив, неохотно кивнула.

– Папа сказал, ты умерла из-за сердца. Приступ. Инфаркт. Правда?

Бабушка промолчала, будто не услышала вопроса.

– Нет? Ты... может быть... – Холли запнулась. Папин ускользающий взгляд, призрачный визит бабушки, Черный гребень, требование быть настороже – все вдруг соединилось в страшной догадке. – Тебя кто-то убил? – почти беззвучно спросила Холли.

Бабушка строго и печально посмотрела на нее.

– Кто? Почему? Как...

Прохладный призрачный палец опять лег на губы, запеча-

тывая еще не произнесенные слова.

А потом бабушка склонилась к самому лицу Холли и поцеловала ее веки – одно за другим, очень осторожно и ласково. И странно – ее губы были теплыми, совершенно как при жизни. От этой невозможной теплоты, от пронзительной нежности этого прикосновения Холли заплакала.

А когда она открыла глаза, бабушки уже не было.

И прекрасный полупрозрачный цветок из лунных лучей исчез с ладони вместе с ней – будто его и не было. А Черный гребень остался – хотя лучше бы наоборот.

Холли опять закрыла глаза – потому что так можно было представить, что лунный цветок не исчез – она даже будто почувствовала нежное щекотное прикосновение в центре ладони, где он только что был. И еще представила, что бабушка тоже все еще стоит рядом. И можно сказать ей все, что Холли не успела. Или просто подумать, потому что бабушка и так всегда умела понимать ее мысли.

«Ты говорила: нельзя просить мертвых остаться. Я не прошу, раз нельзя. Но как мне теперь быть без тебя? Почему ты сама оставила меня?! Я тебя люблю! Я говорила, что я тебя люблю?»

«Конечно, Цветочек. Я знаю. И я тоже тебя люблю, – тихо шепнул прямо в ухо печальный бабушкин голос: – Но ты знаешь, что я не могу остаться».

Холли вспомнила, что говорила бабушка, когда умер Гарм. И сказала сквозь слезы, потому что сейчас это было

произносить в тысячу раз сложнее, чем тогда:

– Тогда иди... куда теперь тебе надо. И пусть твоя дорога будет легкой.

«Спасибо, милая», – бабушкины теплые губы тронули лоб Холли. Или это был просто ветер из приоткрытого окна?

И Холли поняла, что теперь она ушла по-настоящему. Навсегда.

Холли сидела, не шевелясь и зажмурив глаза, наверное, целую вечность, сжимая в одной руке Черный гребень, а вторую ладонь раскрыв навстречу лунному свету. Стараясь удержать воспоминание о лунном цветке, последнем поцелуе бабушки и ее голосе.

А потом, чувствуя, что соскальзывает в сон, попросила – сама не зная, у кого: «Пожалуйста, пусть хотя бы там все будет хорошо».

Так и было.

* * *

Холли лежала под цветущим абрикосом, раскинув руки. В ярко-синем небе покачивались нежно-розовые бутоны и белые пушистые цветы, смешиваясь с облаками, а среди этих бело-розовых облаков с деловитым гудением летали золотые пчелы. Сладкий запах наплывал волнами, и они подхватывали Холли и несли вверх – к розовым облакам, высокому небу, к белокрылым далеким птицам, в дальние, самые пре-

красные края, неведомые земли.

А потом краем глаза Холли заметила, что кто-то идет по дорожке среди цветущих деревьев. Мама! – испугалась она. Тотчас рухнула с облаков на землю – и неловко завозилась, пытаясь приподняться. Но это было не так-то просто: мышцы, привыкшие лететь и парить, здесь, на земле, отказывались шевелиться. Но надо было как-то встать, потому что мама сейчас будет орать, что «нечего валяться на земле, застудишься, заболеешь, испачкаешь платье, а мне потом с тобой возись, ты это все специально, чтобы меня позлить, да? Немедленно вставай и сядь на скамейку, как нормальные люди!»

– Что ты задергалась, Цветочек? – спросила бабушка Берта, опуская рядом и расправляя толстое одеяло. – Замерзла? Переползай на одеяло.

– Бабушка! – Холли счастливо и облегченно улыбнулась. Конечно, как она забыла, родители ведь уже уехали, еще с утра.

На одеяле валяться под абрикосом оказалось еще лучше. А бабушка вдруг легла рядом, подложив руку под голову.

– Надо же, – удивленно сказала она, – как со временем забываются такие важные вещи.

– Какие?

– Как хорошо лежать под деревом и смотреть на небо.

– Это важные вещи? – изумилась Холли.

– Конечно, – уверенно ответила бабушка. – Еще какие

важные. Даже не знаю, что может быть важнее.

Холли засмеялась. И бабушка засмеялась вместе с ней.

Они хохотали, лежа на одеяле и глядя на цветы и облака, плывущие в небе. Холли подумала, что это самый лучший день – в году, а может, и во всей жизни. И впереди еще полно таких чудесных дней, целое длиннющее лето.

– А можно я останусь тут навсегда? – спросила Холли, когда подумала, что через целую вечность, но все-таки лето когда-нибудь закончится.

– Прямо тут? – удивилась бабушка. – Под деревом?

– Ну, ба... – фыркнула Холли. – Ты ведь понимаешь. Можно я больше не вернусь домой, а буду жить тут, с тобой?

– Тут и есть твой дом, Цветочек, – сказала бабушка Берта, и ее серые глаза стали серьезными: – Запомни это, ладно? Тут всегда будет твой дом, ты можешь здесь жить, сколько захочешь. Потом, когда ты вырастешь. Когда сможешь сама выбирать.

– Потом... – вздохнула Холли. Опять упала на одеяло – а потом в облака, выше и выше. И подумала: вот я полетаю, а там, внизу, пусть все крутится. Земля, люди. Лето, осень, зима... И опять, столько раз, сколько надо, чтобы вырасти. А потом – оп! – и я уже лежу здесь, под этим абрикосом, взрослая, и мне больше никуда не надо уезжать. Вот бы здорово...

– Пойду-ка сделаю блинчиков к чаю, – сказала бабушка. – Как проголодаешься, приходи.

Холли так и сделала. Вернулась уже совсем взрослой, от-

туда, из-за облаков. В такую же весну, заполненную пением птиц, гудением пчел, светом розовых абрикосовых облаков в синем небе. Немного полежала на одеяле, привыкая к новому взрослому телу. А потом поднялась, немного путаясь в непривычно длинных ногах, и пошла к дому. Там уже пахло блинчиками, и бабушка, ни капельки не постаревшая за все эти годы, колдовала над чайником, составляя заварку из трав по своим секретным рецептам.

Холли улыбнулась, глядя на нее, с наслаждением вдохнула запахи выпечки, трав, цветущего сада – и подумала, что совершенно, абсолютно счастлива. Потому что теперь совсем некуда торопиться и больше не нужно никуда отсюда уезжать, а значит – впереди целая вечность, наполненная этим бесконечным счастьем.

А потом Холли проснулась, сжимая в руке Черный гребень. Первые несколько секунд она еще улыбалась, вдыхая запахи цветущего абрикоса и блинчиков, а потом разом вспомнила все.

Бабушка умерла, и Холли больше не вернуться в тот сад, который ей приснился. И этот сон, и все мечты – повзрослеть и переехать жить к бабушке – никогда не исполнятся. Все потеряло смысл. Потому что бабушки Берты больше нет.

Холли тихо заплакала, уткнувшись в подушку, стараясь не всхлипывать слишком громко, чтобы никто не услышал. Она опомнилась только тогда, когда в дверь стукнула мама и крикнула:

– Ольга, не проспи! Пора собираться в школу!

– Да, иду! – быстро крикнула Холли, испугавшись, что мама зайдет, увидит ее зареванное лицо и мокрую подушку и начнет расспрашивать, в чем дело. А Холли сейчас не вынесет ее расспросов, и у нее нет никаких сил придумывать что-нибудь и оправдываться. Потому что никому нельзя рассказывать про ночной визит бабушки Берты. И про Черный гребень.

А за завтраком Холли поняла, что тот нежный поцелуй в веки был не просто прощанием. Так бабушка Берта отняла у нее Истинное зрение.

Ангелы, демоны, тени и отражения

Холли с самого детства видела чуть больше, чем другие. Мама называла это выдумками, папа – фантазиями, бабушка Берта – Истинным зрением.

Долгое время Холли считала, что остальные видят так же.

Папа обычно неделями пропадал на гастролях, возвращался измученным и в основном почти все свободное время между поездками проводил дома. Разучивал новую музыку на своем огромном черном рояле, играл с Холли в железную дорогу, читал ей сказки и только изредка выходил с ней погулять – да и то в основном в ближайшем парке, в той дальней, диковатой части, где было мало народу. При таких условиях было мало шансов наткнуться на какие-нибудь отличия между видимым и невидимым миром, чтобы Холли могла их явно заметить и обратить на них внимание папы. Только однажды она увидела, как парковую дорожку перебежали, озираясь, два крохотных – размером с кошку – человечка в зеленых плащиках. Ахнув, Холли немедленно дернула папу за рукав и шепотом пересказала ему эту картинку на ухо. Папа огляделся – но человечки уже, конечно, скрылись в кустах. Заметив, как дочка огорчилась, папа поспешил ее успокоить.

– Кнопка, милая, в лесах всегда полным-полно зеленых человечков, – совершенно серьезно сказал он. – Тут им немного не по себе, потому что вокруг город и много людей.

Поэтому не нужно их пугать еще больше и гоняться за ними по кустам. Договорились?

— Я никогда и не гоняюсь, — ответила Холли, слегка обиженная тем, что папа посчитал ее такой легкомысленной и способной напугать маленьких человечков. — А ты часто их встречал... в лесах?

— В детстве мне случалось видеть и не такое, — улыбнулся он. — А с возрастом люди, к сожалению, утрачивают всякое воображение. Впрочем, оно и к лучшему — когда живешь в нашем современном обществе, лучше не видеть ничего лишнего. Но я очень рад, кнопка, что у тебя сейчас такая богатая фантазия, в детстве это прекрасно, — он улыбнулся и поцеловал Холли в макушку.

И тут она сообразила, что он, скорее всего, считает зеленых человечков ее выдумкой — и собралась было обидеться. Но папа вдруг начал рассказывать сказочную историю про этих самых человечков, и оказалось так интересно, что Холли заслушалась и забыла обо всем.

А мама, с которой Холли проводила куда больше времени, почти никогда не обращала внимания на её слова. О маленьких человечках, о сияющих цветах, прорастающих сквозь асфальт, о полупрозрачных людях и огненных кошках, и о тенях, которые стояли за каждым из прохожих — взрослыми и детьми.

— Угу, детка, это очень мило, — рассеянно говорила мама, неохотно отрываясь от телефона, по которому постоянно пе-

реписывалась или говорила с подругами во время прогулок с Холли, – иди еще поиграй сама, ладно?

Или, если она была в плохом настроении, буркала сердито:

– Хватит выдумывать ерунду, Ольга! Ты уже большая девочка!

Мама называла ее Олей, не считаясь с тем, что Холли терпеть не могла это имя. Наверное, в пику бабушке Берте, которая и придумала чудесное «Холли» вместо скучного и глупого «Оля».

Однажды, когда мама была особенно раздражена – то ли неудачным телефонным разговором, то ли плохой погодой, то ли самим обществом дочери, – Холли сказала ей:

– Мама, перестань, пожалуйста, злиться! Черный человек подошел совсем близко! Не подпускай его, пожалуйста! Я думаю, он когда-нибудь сделает тебе плохо!

– Какой еще черный человек? – мама встревоженно обернулась, должно быть испуганная искренней тревогой в голосе Холли.

– Тот, который обычно стоит за твоим левым плечом. И подходит близко, когда ты злишься или разговариваешь с бабушкой.

Мама несколько секунд изумленно смотрела на нее, будто только что разглядев. Потом взорвалась:

– Какой еще человек, какое плечо, сколько можно придумывать всякую чушь?!

Холли заплакала, но не потому, что испугалась маминого крика, а потому, что черная тень за маминой спиной стала еще темнее и ближе. И Холли знала, что теперь она, скорее всего, не отступит. Предупредить маму не вышло, все получилось как обычно и даже, наверное, хуже. А что, если теперь Черный человек разозлится из-за того, что Холли сказала про него? Что, если он раньше не знал, что она его видит, – а теперь знает? Может, поэтому теперь он не уйдет просто так? Наверное, он захочет, чтобы Холли больше никому про него не рассказала. Чтобы она замолчала. Навсегда. Ужас окатил Холли с ног до головы, будто кто-то выключил горячую воду и вместо ласкового теплого душа в затылок вдруг плеснуло холодом, и он потек по плечам и спине бесконечной ледяной рекой, из которой не вырваться и не выплыть. Холли судорожно всхлипнула, задрожала и залилась слезами. Черный человек смотрел на нее мамиными глазами и усмехался, кажется, читая ее мысли. Нужно было бежать, но она не могла пошевелиться от ужаса.

– Боже, за что мне это наказание! – воскликнула мама – голос у нее пока еще был свой, хотя злой и раздраженный. Но рука, схватившая Холли за запястье, уже была черной и чужой. Холли попыталась сопротивляться – но ничего не вышло, рука больно сдавила и потащила ее к подъезду, не обращая внимания на слезы.

В лифте было страшнее всего, и Холли даже перестала плакать и зажмурилась. Чтобы больше не видеть Черного че-

ловека, так странно и страшно повторяющего мамин силуэт и уже почти занявшего ее место.

Мама, наверное, все-таки почувствовала ее ужас и перестала орать и дергать ее за руку. А когда они зашли в квартиру, отпустила руку. Холли перевела дух, вырвавшись наконец из крепкой и болезненной хватки черных пальцев, на которых теперь почти не различался мамин идеальный маникюр с розовым лаком.

– Ну, хватит хныкать, – отрывисто сказала мама, – терпеть не могу, когда ты выдумываешь всякие глупости. И когда рыдаешь на пустом месте.

Тут она, конечно, преувеличила – потому что Холли вообще плакала крайне редко. И, должно быть, именно поэтому, в том числе, мама сейчас разозлилась.

– Я больше не буду, мамочка, – дрожащим голосом пролепетала Холли, готовая в тот миг согласиться на что угодно – не плакать и не выдумывать, точнее, больше не говорить маме ничего такого, что она может посчитать выдумкой. Только бы страшная черная тень отступила.

– Надеюсь на это, – пробурчала мама. – Ну ладно, хватит смотреть на меня так, будто я чудовище! Я тебя даже не ударила, хотя, возможно, тебя давно уже следовало отшлепать, чтобы выбить всю эту дурь.

Холли смотрела не на нее, а на черную тень, но тотчас послушно отвела взгляд. Тень как будто не собиралась отступать. У Тени не было своих глаз, она только могла ино-

гда одалживать мамины, когда мама подпускала ее слишком близко — как сейчас. И тогда мамины глаза становились неприязненными и чужими. В первый раз, когда Холли увидела их такими, она очень испугалась и не смогла сдержать слез. Но потом научилась их различать — взгляд мамы и взгляд Тени. Конечно, от этого сам взгляд не становился менее жутким, но так было куда лучше, чем считать, что это мама так смотрит на тебя — с неприязнью и даже иногда с ненавистью.

— Мамочка, я пойду повторю гаммы, — тонким голосом Другой девочки сказала Холли, украдкой косясь на Тень. Она уже выучила, что в такие моменты нужно вести себя именно так. Как идеальная «другая девочка». Про нее говорила мама, когда Холли, по ее мнению, делала что-то не так — а это случалось часто. Объяснив Холли, какая она неряха, неумеха и бестолочь, мама обычно говорила: «Другая девочка на твоём месте...» — и дальше объясняла, что бы сделала эта самая девочка. Со временем Холли возненавидела «другую девочку». Та, судя по всему, была редкостной занудой, подлизой и врушкой — потому что на самом деле живой человек не может быть таким идеальным. Никогда не мять и не рвать одежду, не бегать по лужам и лестницам, не бить тарелки, не падать в грязь, не шуметь, не разбрасывать игрушки, не выдумывать ерунду, не простужаться. Другая девочка круглые сутки сидела тихонько в своей комнате с книжкой, учила гаммы, кушала что дают, мыла за собой посуду и не

доставала маму глупыми вопросами.

Зато если временно притвориться Другой девочкой, можно было спрятаться от маминого Черного человека. Тот сразу терял к Холли интерес и через некоторое время оставлял в покое и маму.

А еще, как ни странно, помогала музыка. Холли видела не раз, как отступал Черный, когда мама слушала музыку. Или когда играл папа.

Быстро раздевшись, Холли бросилась к своему пианино, как тонущий – к спасательному кругу. Черный человек, обнимая маму за плечи, шагнул было следом, но нерешительно остановился в проеме двери. Интересно, сможет ли он заставить маму сделать своей дочери что-нибудь по-настоящему плохое?

Руки Холли, уже дотронувшиеся до клавиш, задрожали. «Только не сфальшивить, – испуганно подумала она, – иначе ничего не выйдет!» А еще она вдруг поняла, что сейчас нужно что-нибудь посильнее гамм. И песенка про елочку или гусей, наверное, тоже не подойдет. «Колыбельная»! Как хорошо, что Холли, мечтая играть «как папа», упросила Ираиду Львовну все-таки разучить что-нибудь серьезное!

Черный человек неуверенно шагнул вперед. Холли тронула клавиши. Теперь нельзя отвлекаться, иначе ничего не выйдет. Нужно просто представить, будто никакого Черного человека нет. Будто никого нет. Только пианино и Холли. И пусть еще будет Ираида Львовна, которая подскажет,

если Холли собьется. У Ираиды Львовны нет Черного человека, только серая невнятная тень, которая всегда держится на расстоянии. А еще у нее есть Светлый – и тот, наоборот, обычно рядом. Когда учительница садится за пианино, именно сияющие пальцы Светлого скользят по клавишам, и тогда музыка получается особенно чудесной, необыкновенной, от которой щекотные мурашки бегут по затылку и хочется плакать. Почти такая музыка, как у папы, – только у папы, конечно, лучше. А еще эти руки из света – втайне от Ираиды Львовны – иногда поправляют неловкие пальцы Холли, когда та начинает ошибаться. Может, это и не очень честно – но от этого всем хорошо. Ираида Львовна, довольная ученицей, улыбается – и Светлый будто улыбается вместе с ней, и Холли становится тепло и тоже светло от их улыбок.

Холли представила, что он сейчас тоже рядом – Светлый Ираиды Львовны – и что он поможет, если понадобится. Странно, хотя это и была выдумка, но она почему-то успокоила. И, глядя только на свои руки, переставшие дрожать, и клавиши, в черноте которых не было никакой опасности, Холли начала играть.

С музыкой все время получаются удивительные вещи: вроде бы одна и та же пьеса может стать короткой или бесконечно длинной – в зависимости от того, кто играет и как ты слушаешь. Не говоря о том, что она может стать веселой или грустной, красивой или ужасной. «Колыбельную» Холли играла, кажется, целую вечность. Она немного сбилась в

середине – и испугалась, что все забыла, но потом нужная клавиша сама попала под ладонь – или это невидимая рука Светлого легонько поправила растерявшиеся пальцы Холли.

– Как это чудесно! – вдруг сказала мама, и Холли, вздрогнув, поняла, что «Колыбельная» закончилась.

Она так волновалась, что даже не поняла, хорошо или плохо играла, и испуганно посмотрела на маму. Но бояться уже было нечего, Черный побледнел и отступил на свое обычное место, а вместо него за маминым плечом стоял ее Солнечный. Его очертания расплывались, как акварель на мокрой бумаге, но зато в нем иногда вспыхивали золотые искорки, как в пыли, клубящейся на солнце. Это было очень красиво, и Холли нравилось смотреть на Солнечного; жаль, что он редко подходил близко.

– Ты так хорошо играла, детка, – сказала мама, глядя на нее сияющими глазами Солнечного.

– Спасибо, мамочка, – пролепетала Холли, счастливо улыбаясь. Все получилось! Она сумела прогнать Черного, сама! Солнечный одобрительно улыбнулся ей, будто все понимал – и про Черного, и про музыку.

Мама – вместе с Солнечным – обняла Холли, погладила по голове, светлой и нежной рукой, которая так и сияла золотыми искорками.

– Извини, что я накричала на тебя, – тихо и смущенно сказала мама, – не знаю, что на меня нашло.

Это не ты, это все Черный человек, хотела сказать Холли, но опомнилась и прикусила язык. И осторожно покосилась за спину – туда, где маячил побледневший и слегка потерявший очертания Черный. Интересно, он злится, что Холли его прогнала?

– Ничего, – пробормотала Холли, – я почти не испугалась.

Наверное, она сказала что-то не то, потому что мама нахмурилась, и Солнечный чуть отступил назад, сияя уже не так ярко.

– Просто, – сказала мама – уже своим обычным резким голосом, – не выдумывай разные глупости, хорошо? Или... – она задумалась. – Не повторяй их за другими. Поняла?

– Поняла, мамочка, – быстро сказала Холли, заметив, что Черный будто качнулся вперед. – А мы когда будем кушать?

– Ты хочешь есть? – удивилась мама. – Ну да, пора, пожалуйста, обедать.

Холли облегченно вздохнула. Обычно, когда мама занималась домашними делами, она включала по телевизору какие-нибудь длинные нудные фильмы, и тогда и Черный и Солнечный, видно, тоже, как и Холли, смертельно заскучив, отступали. Солнечного, конечно, было жаль, но он бы и так продержался недолго.

* * *

В следующий раз, когда пришла Ираида Львовна, мама

отозвала ее на кухню и о чем-то говорила с ней за закрытой дверью. Холли было велено пока играть гаммы. Но она иногда будто сбивалась и пыталась прислушаться, о чем идет речь. Получалось, честно сказать, не очень. И гаммы, и подслушивание. Может быть, мама хвастается, как хорошо Холли сыграла «Колыбельную»?

Ираида Львовна вышла из кухни с пылающими щеками. За ее плечом маячил Темный, а Светлый держался на расстоянии – такого Холли еще не видела ни разу и даже немного испугалась. Весь урок Ираида Львовна была какая-то растерянная. Холли без поддержки Светлого тоже все время сбивалась, и учительница от этого нервничала еще больше. Мама на ее месте уже давно бы наорала на Холли, но Ираида Львовна, кажется, только огорчалась сама – как будто это она была виновата.

И учительница, и ученица на этот раз вздохнули с облегчением, когда время урока подошло к концу. Холли хотелось расплакаться от досады, что все получается так по-дурацки – потому что она очень любила и музыку, и Ираиду Львовну, и эти уроки. А если она больше не придет? – испугалась Холли, поймав потерянный взгляд учительницы. И, не зная, как еще можно исправить ситуацию, принялась торопливо упражнять ее что-нибудь сыграть перед уходом. Ираида Львовна сперва отнекивалась, неуверенно и одновременно с предвкушением поглядывая на пианино, – она еще в самый первый раз восхитилась: какой хороший инструмент. Это папа мне

подарил, похвасталась Холли. О, да, конечно, твой папа, – с еще большим восхищением сказала Ираида Львовна и покраснела. Конечно, она знала, кто папа Холли, и относилась к нему с еще большим благоговением, чем к этому пианино.

Как Холли и надеялась, Ираида Львовна и на этот раз не устояла. Опуская руки на клавиши, она уже почти счастливо улыбалась. А Светлый наконец подошел ближе. И на середине «Лунной сонаты» его сияющие пальцы сплелись с тонкими пальцами Ираиды Львовны, и музыка зазвучала совершенно так, как нужно – красиво и так пронзительно нежно, что Холли захотелось заплакать. «Мне ни за что так не сыграть, – подумала она. – Никогда. Сколько бы я ни училась». А потом ей вдруг пришло в голову то, о чем она почему-то не задумывалась раньше. «А ведь за моей спиной, наверное, тоже кто-то стоит? Темный? Или Светлый? Или... или нет? Почему я никогда его не видела?» Эта мысль так ее ошеломила, что Холли не заметила, что музыка уже закончилась, а Ираида Львовна молча и задумчиво смотрит на нее.

– Ой, я... – опомнилась Холли. – Спасибо! Это было так... Так здорово! Мне понравилось очень-очень...

– Девочка моя, – вдруг тихо и торжественно сказала Ираида Львовна взволнованным и каким-то незнакомым голосом, – скажи мне правду... – она запнулась на секунду, но потом решительно продолжила: – Ты правда видишь ангелов и демонов, что стоят за спиной каждого человека и нашептывают ему советы и искушения?

Холли вздрогнула. Такого вопроса от Ираиды Львовны она не ожидала. А взгляд Ираиды Львовны, наблюдавший за ней с совершенно необычным выражением – пристально и жадно, – вспыхнул торжеством.

– Я знала! – тихо воскликнула она, поймала руку Холли своими горячими ладонями и порывисто сжала. Холли испуганно отпрянула.

– Не бойся, – зашептала учительница, – не бойся, дитя! Я никому не скажу! И я пойму, если ты мне расскажешь. Ты ведь видишь?

Холли испугалась. Такого восторженного лица она раньше у Ираиды Львовны не видела. Даже когда та играла свою любимую музыку на пианино, которым восхищалась. И Светлый сейчас немного отступил, а Темный, наоборот, подошел ближе – и положил ладонь на плечо Ираиды Львовны, отчего та, кажется, напряглась и выпрямила спину. «Что он сделает, если я сейчас расскажу про него?» – сглотнув, подумала Холли. С другой стороны, хоть кто-то не считал это все выдумками.

Ираида Львовна смотрела на нее с ожиданием, нетерпением и надеждой. Наверное, нужно было сказать ей, что ничего такого Холли не видит. Что просто она иногда придумывает... разное. Чтобы поиграть.

– Я... ну... – растерянно забормотала Холли. – Иногда... Глаза Ираиды Львовны вспыхнули, она закивала.

– Конечно, – быстро сказала она, – я понимаю. Иногда.

Невозможно видеть такое всегда.

Еще как можно, хмуро подумала Холли, соображая, как бы прекратить этот странный и страшноватый разговор, из-за которого Ираида Львовна стала сама на себя не похожа.

– А сейчас? – Учительница понизила голос. – Сейчас ты видишь?

– Ну...

– Кого ты сейчас видишь, девочка? Скажи, милая, мне очень надо знать! – почти умоляюще попросила Ираида Львовна.

– Светлый... как бы человек... светлый, потому что светится... – пробормотала Холли. – Он как бы стоит за вашим правым плечом... А Темный – слева, – неохотно добавила она.

– Я знала! – воскликнула учительница, и на ее глазах блеснули слезы. – Я знала, что так и есть!

– Откуда вы знали?

– Слева, дитя, дьявол, который нашептывает искушения, но нельзя их слушать и поддаваться им, потому что приведут они в бездну. А справа – ангел-хранитель, он подсказывает и поддерживает, если тебе случится оступиться...

– А откуда вы знали, что я их вижу? – перебила Холли.

Ираида Львовна, кажется, слегка смутилась.

– Твоя мама, – сказала она, – считает, что это я забиваю тебе голову, хм, религиозной ерундой, как она выразилась. Но я ничего такого тебе не говорила. И я подумала... Я за-

метила, что ты иногда странно смотришь на меня. Будто бы за мою спину, как будто видишь там что-то. Или кого-то. И я поняла, что ты видишь. Это редкий дар, дитя. Тебе бы поговорить со священником, но боюсь, что твоя мама...

Договорить она не успела, потому что мама будто почувствовала, что речь зашла про нее.

– Кажется, время урока вышло? – поинтересовалась она, открывая дверь и оглядывая учительницу и ученицу подозрительными взглядами.

– Разумеется, – Ираида Львовна поднялась, – я уже ухожу. Ты запомнила, что повторять, Оленька?

Холли поспешно закивала. Ей было интересно дальше послушать про ангелов и демонов, но, конечно, она понимала, что при маме таких разговоров вести не стоит.

Она вышла в прихожую проводить Ираиду Львовну.

И когда та уже ступила за порог, вдруг, сама от себя не ожидая, бросилась к ней, обняла с восклицанием:

– Спасибо! Приходите скорее, я так люблю вашу музыку!

И, когда растроганная Ираида Львовна нагнулась к ней погладить по голове, Холли шепнула:

– Когда вы играете, ваш Светлый подходит совсем близко. Ему нравится ваша музыка. Играйте ему почаще, хорошо?

И увидела, как радостно вспыхнули глаза Ираиды Львовны.

А повернувшись, похолодела – потому что мама пристально смотрела на них, поджав губы, и ее Черный стоял совсем

рядом, наклонившись, будто что-то шептал ей на ухо, и в его тьме таяли, растворялись мамины золотистые волосы.

Больше Холли не видела Ираиду Львовну. Вместо нее стала приходить другая учительница – скучная и бесцветная, за ее спиной, конечно, тоже маячили Темный и Светлый, но они были так бледны и размыты, что нужно было вглядываться, чтобы их различить. И ни один из них не подходил близко, даже когда она играла. Должно быть, поэтому ее музыка никогда не получалась такой красивой и волшебной, как у Ираиды Львовны. От нее хотелось не плакать или смеяться – а зевать. Как и от ее уроков.

Позже Холли подслушала обрывки разговора родителей и поняла, что в исчезновении Ираиды Львовны была виновата мама – и, конечно, сама Холли, неосторожно проговорившаяся про Черного человека. Мама, правда, говорила еще что-то не очень понятное, про «болезненную привязанность», «нервические реакции», но, в основном – про ту самую «религиозную ерунду», которой Ираида Львовна якобы забивала ребенку, то есть Холли, голову.

Потом Холли попыталась переубедить папу и уговорить его вернуть Ираиду Львовну, но не преуспела. Во-первых, она не хотела признаваться папе в том, что подслушала их разговор. Во-вторых, про Темных и Светлых она теперь тоже опасалась говорить – потому что все эти неприятности как раз случились из-за них. А в-третьих, папа вообще редко оспаривал мамины решения. Оставалась еще надежда на

бабушку, но ее визита нужно было еще ждать целых два месяца.

* * *

– Боюсь, Цветочек, от моей протекции станет только хуже, – заметила бабушка, выслушав взволнованный и сбивчивый рассказ Холли.

– Куда уж хуже, – буркнула слегка разочарованная Холли. Она-то надеялась, что бабушка может все, тем более такую ерунду, как вернуть Ираиду Львовну.

– Видишь ли, дорогая, – печально улыбнулась бабушка, – существует масса способов испортить человеку жизнь, и твоя мама в некотором роде специалист...

– Да, – взволнованно перебила ее Холли, – она сделала это специально! Потому что... потому что мне нравилась Ираида Львовна! Она забирает все, что я люблю! – у Холли сорвался голос. Она вспомнила любимый свитер, связанный бабушкой, который порвался при стирке и был выброшен мамой («Там были одни дырки, детка, ты сама виновата, таскала его везде, нет, зашить его невозможно, и в любом случае я его выбросила, не реви»), тряпочную собачку, тоже подарок бабушки («Такая грязь, ты затрепала эту дурацкую страшную куклу до безобразия, там уже было столько заразы, я куплю тебе новую, хватит хныкать»), папины ноты («Я просто убрала их подальше, ты помнешь, тебе еще рано, и

ты все равно не понимаешь, что они ценные»).

– А если, – испуганно прошептала Холли, – если она заберет и тебя?

– Не беспокойся, Цветочек, – бабушка Берта усмехнулась, – уж это-то у нее точно не получится.

Холли успокоенно вздохнула – она привыкла верить бабушке, та еще ни разу ей не врала – и, обняв бабушку, крепко прижалась к ней. И счастливо улыбнулась, когда теплая рука погладила ее по спине. «Бабушка никогда меня не оставит, – подумала она, – а если что, я просто сбегу к ней жить насовсем». Эта мысль всегда успокаивала ее, когда становилось совсем паршиво и одиноко.

Конечно, временами и дома бывало не так уж и плохо – когда папа возвращался со своих гастролей. Тогда почему-то и мама становилась другой, менялся даже ее голос, становился мелодичным и нежным, и она заботливо спрашивала Холли по утрам, что та хочет на завтрак, и даже – что она хочет надеть на прогулку. И Черный человек редко подходил близко, как будто опасался папы.

Но когда папа уезжал, все менялось. Мама погружалась в свой телефон, в бесконечные разговоры – ее собеседников Холли отличала по тому, как менялось мамино лицо и голос – от небрежного, чуть снисходительного, до нежно-воркующего. Холли только мешала маме в этой ее телефонной жизни, а еще больше – когда маме нужно было куда-то уйти, видимо на встречу со своими телефонными собеседни-

ками, как будто недостаточно было постоянных разговоров. «Ты уже взрослая девочка, Ольга, ничего не будет, если ты останешься одна на полчаса, верно? И не будешь никому об этом говорить. Это будет наш с тобой секрет, договорились?» Мама всегда дружелюбно улыбалась, когда это говорила, но Холли не обманывала ее улыбка, потому что обычно при этом Черный стоял рядом, обняв маму за плечи. Правда, сперва Холли соглашалась с радостью – наконец-то мама захотела с ней поиграть по-настоящему! Было очевидно, что другие игры – в куклы, в утят, в паровозики – маму не увлекали совершенно, и со временем Холли перестала ей надоедать с играми и книжками, научившись занимать себя самостоятельно. Лучше уж было дожидаться папу, с которым играть было интересно, или бабушку. С ней было интересно просто так.

В общем, поначалу Холли думала, что это какая-то новая игра, придуманная мамой, и, если хорошо выполнять ее правила – тихонько посидеть дома, ничего не трогать и никому, даже папе, об этом не рассказывать, – мама будет довольна и захочет в ответ поиграть во что-нибудь действительно интересное. Или хотя бы поговорить. Или пойти не на скучную детскую площадку, а в какое-нибудь новое место. Но ничего не вышло. В благодарность мама приносила иногда какую-нибудь ерунду – шоколадку или новую игрушку. И говорила: «Какая ты умничка, Оленька. Не забудь, что не стоит рассказывать об этом папе, чтобы он не волновался». Как

будто Холли была такой глупой, что не запомнила это с первого раза.

А еще Холли не понимала, почему бы маме не отправлять ее к бабушке – хотя бы на все время папиных гастролей. Но мама просто взбесилась, стоило заикнуться об этом. «Хватит того, что она забирает тебя на целое лето!» Насчет лета, впрочем, в свое время тоже было много споров, но в итоге все-таки победила бабушка, на сторону которой встал и папа. Свежий воздух, ягоды и фрукты – против таких аргументов даже мама не смогла ничего возразить.

– Важно другое, Цветочек, – задумчиво сказала бабушка, – и жаль, что я не поговорила с тобой об этом раньше. Я считала, что пока в этом нет необходимости. Дети часто придумывают... разное... воображаемых друзей, например. Обычно взрослые на это не обращают внимания... – она нахмурилась.

– Ты ведь не считаешь, что я выдумываю? – испуганно спросила Холли. – Ты ведь сама...

– Конечно же, нет, Цветочек, – Берта Аскольдовна улыбнулась. – Я *знаю*, что ты не выдумываешь.

– Ты тоже видишь! – воскликнула Холли. – Я знала!

– Тсс, дорогая, – бабушка тронула кончиком пальца ее губы. – Вот об этом я и хочу с тобой поговорить. Не нужно рассказывать про Истинное зрение... посторонним. Понимаешь?

– И папе? – уточнила Холли.

– И папе, – подумав, согласилась бабушка. Про маму она не сказала почему-то ни слова, даже не став разубеждать Холли, что мама – уж точно не «посторонняя». – Одним словом, – заключила бабушка, – лучше пока не рассказывай об этом никому, кроме меня.

– Хорошо, – немедленно пообещала Холли. Ей не терпелось наконец расспросить бабушку поподробнее об Истинном зрении и, конечно же, ангелах и дьяволах, про которых только упомянула Ираида Львовна. – Бабушка, а кто такие ангелы и дьяволы?

– Пфф, – фыркнула Берта Аскольдовна, – какие глупости! Нет никаких дьяволов.

– Но как же...

– Только те, которых человек создает сам.

– А ангелы? – дрогнувшим голосом спросила Холли. С дьяволами – это даже хорошо, если их на самом деле нет, хотя тогда непонятно, кто такой Черный. Но ангелов было жалко.

– С ангелами та же история, Цветочек, – улыбнулась бабушка немного сочувственно, потому что, наверное, поняла ее настроение. – Видишь ли, дорогая, люди иногда делают очень скверные вещи, но не любят признавать, что был это их собственный выбор. Поэтому они и выдумывают... всякое. Будто их кто-то заставил, не вовремя толкнул под руку – друзья, враги, плохие советчики, северный ветер, плохая погода. Ангелы, дьяволы. С последними особенно удобно,

потому что никто их не видит и не может призвать к ответу.

– А ангелы?

– Что – ангелы?

– Ну ведь если ты делаешь хорошие вещи, зачем на кого-то это сваливать?

– Ах, это, – Берта Аскольдовна махнула рукой. – Это по привычке. И со страху. Ты не представляешь, Цветочек, сколько всего в человеческих поступках объясняется только этими двумя причинами. Некоторые люди, бывает, так и проживают всю жизнь. В основном по привычке, а иногда – со страху. Так вот, насчет ангелов. Во-первых, хороших поступков человек совершает существенно меньше, чем плохих, а значит – ему это непривычно. То есть страшно. С другой стороны, если уже есть привычка сваливать свои решения на кого-то другого, хороший поступок тоже проще свалить на кого-то. Есть дьявол, значит, придумаем ангела. И – вуаля!

Бабушка Берта изящно махнула в воздухе руками, словно срывая невидимые цветы, и протянула раскрытые ладони к внучке. Холли вздрогнула и посмотрела чуть испуганно, почти ожидая увидеть на одной бабушкиной ладони – ангела, а на второй – дьявола. Берта Аскольдовна усмехнулась, заметив ее взгляд. Конечно же, никого там не было.

Холли помолчала, задумавшись. Чем ей нравились разговоры с бабушкой – что после ее объяснений все становилось пусть не всегда понятнее, но точно – интереснее.

– Но тогда... – пробормотала Холли и растерянно уставилась на бабушку: – Тогда кого я вижу... за спинами людей?

– Отражения, – ответила бабушка, пожав плечами, как будто это была самая очевидная вещь, не стоило и спрашивать. – Всего лишь отражения, Цветочек.

И, разглядев разочарованное и немного удивленное лицо внучки, добавила:

– Подумай сама, Цветочек, это ведь куда лучше. В этом случае ты всегда сама выбираешь, кому быть с тобой – ангелу или дьяволу. И, знаешь, запомни еще кое-что. Это, пожалуй, самое важное. Я уже говорила, что многие люди живут по привычке и со страху. А потом, когда уже поздно что-то менять, они удивляются, что никогда не были счастливы. Совершенно неудивительно.

Бабушка сделала паузу, пристально глядя на Холли, убеждаясь, что та ее внимательно слушает.

– Так вот. Не нужно так жить, дорогая. А чтобы этого не делать, запомни, пожалуйста, одну важную вещь. Никто не сможет управлять тобой, пока ты не позволишь. Ни ангелы, ни демоны, ни люди – а тем более, твои собственные отражения.

Зверь

– Поторопись, Ольга, – сказала мама, – твой завтрак почти остыл.

– Спасибо, мам, – пробормотала Холли, не поднимая взгляда: ей не хотелось, чтобы мама заметила ее заплаканное лицо. Холодная вода, конечно, немного исправила ситуацию, но глаза были красные, как у кролика.

– И не забудь выгулять пса, чтобы он не скулил тут полдня.
«Я никогда не забываю», – хотела было возмутиться Холли, но не стала. Ей сейчас было не до пререканий с матерью, которая, к тому же, все равно окажется права в любом случае. Сам Фреки воспитанно лежал у двери на коврикe – он знал, что мама терпеть не может, когда он вертится под ногами на кухне. Собственно, и Фреки она тоже терпеть не могла – хотя бы потому, что он был подарком Берты Аскольдовны. Мамину неприязнь умница Фреки, конечно, тоже чувствовал и старался по возможности вообще не попадаться ей на глаза.

– Посуду за собой вымой. Пойду отнесу кофе твоему отцу – он опять плохо спал. Говорит, снилась твоя бабушка. Когда она уже оставит его в покое...

Холли, забыв о своем плане молчать и смотреть в пол, вскинула на маму возмущенный взгляд. Как она может так, когда бабушка Берта умерла! Но мама с подносом в руках

уже развернулась спиной, обтянутой розовым шелковым халатиком. А Холли еле сдержала удивленный вскрик. За маминой спиной не было никого. Ни Черного, ни Солнечного.

– Фреки! – крикнула Холли, метнувшись в коридор и совершенно забыв про завтрак. Пес бросился к ней, превратившись в маленькое рыжее торнадо, вьющееся у ног. У Фреки сейчас тоже не было Тени. Впрочем, это ни о чем не говорило определенно – насчет Теней у животных были совершенно другие правила.

– Гулять! – сказала Холли, срывая со стены поводок и едва не выскочив из квартиры в тапочках.

Фреки полностью одобрил это прекрасное решение и пошел по лестнице вниз, повизгивая от восторга.

Отражения пропали. Совсем. Мир будто опустел и как-то потускнел. Люди ходили сами по себе, по одному. Никого не было за их спинами – ни Темных, ни Светлых. Раньше случалось, и довольно часто, что Отражения едва различались, и приходилось вглядываться, чтобы увидеть их. Но они всегда были. Всегда и у всех!

Холли растерянно оглядывалась, не узнавая двор. Шиповник вот здесь, на углу. То-то она удивлялась – откуда на нем цветы в сентябре! Больше никаких цветов, а ведь они были еще вчера, мерцали малиновым и нежно-белым, и листья светились яркой зеленью, а теперь потускнели, выцвели и покрылись пылью. Белая кошка на подоконнике первого эта-

жа – она была тут всегда, недовольно сверкала на Фреки желтыми глазищами, а тот ворчал на нее потихоньку... Вот и сейчас – ворчит... На пустое место? Ладно, положим, кошка – не примета... А что – примета? Сирень в центре двора? Срубили за ночь? Кстати, почему Холли раньше не приходило в голову, отчего эта сирень цветет не вовремя – кажется, еще вчера она тоже была усыпана цветами... Ага, вот старые знакомые – пара милых старичков с черной собачкой, Фреки всегда с ней здоровается, а улыбочивый седобородый старик обычно кивает Холли... Стоп! Сегодня старушка идет одна, бормочет что-то себе под нос и рассеянно улыбается – своему невидимому спутнику? А Фреки подбежал, как обычно, виляет хвостом, нюхает воздух – или черную собачку, которую Холли теперь не видит?

«Я не вижу Отражений. Я не вижу ничего с Иной стороны. И я больше не вижу призраков». Холли похолодела. И вдруг в один миг вспомнила, как ночью исчезла бабушка. Она не ушла тогда. Холли просто перестала ее видеть.

Она поцеловала мне веки, вспомнила Холли, и я перестала ее видеть...

– Ольга! – заорала из окна мама. – Ты опоздаешь!

Холли вздрогнула. О нет, мама ее просто убьет. Кажется, она никогда раньше не кричала из окон.

Будто во сне Холли поднялась по лестнице. Что-то ответила маме, во что-то переоделась, подхватила – кажется, свою сумку – и побрела к школе.

Она мысленно перебирала – мгновение за мгновением – ночной визит бабушки.

Получалось, что бабушка – если это все-таки была именно она, а не морок, который присвоил ее облик, – получалось, что бабушка, поцеловав Холли в веки, отобрала у нее Истинное зрение.

«За что она так со мной?» – подумала Холли и с трудом сдержалась, чтобы не разрыдаться. Потому что как раз начался урок математики, и рыдания на нем были бы особенно некстати.

* * *

К середине дня Холли не то чтобы совсем пришла в себя – но, по крайней мере, смогла отвечать на вопросы. Это было вовремя, потому что на литературе ее о чем-то спросили. И она даже сумела ответить.

– Хм, – слегка удивленно и недовольно сказала литераторша, – прекрасно, Северинская, что ты выучила наизусть то, что я говорила на прошлом уроке, но в следующий раз нам бы хотелось послушать твое собственное мнение.

– Конечно, – пробормотала Холли, почти не вникнув в ее слова, сообразив только, что можно наконец вернуться на место.

– Чего с тобой? – ткнула ее под локоть соседка и подружка Маришка.

– Чего? – эхом повторила Холли.

– Ты какая-то неживая.

Холли вздрогнула. И на всякий случай внимательно посмотрела на свою руку – вдруг она действительно неживая? Этим бы объяснялось многое. Интересно, у призраков есть Истинное зрение? Хотя, пожалуй, есть – как бы иначе они видели друг друга? А вдруг нет? Вот тогда засада – ты видишь только живых, а они тебя – нет. Хуже, чем одному в пустыне. Ну да, точно, если бы Холли вдруг умерла, ее видели бы только те, кто умеет видеть призраков. Вряд ли все учителя и одноклассники обладают такими редкими талантами.

– Эй, – опять толкнула ее Маришка.

– А?

– Вот я и говорю – как неживая, – недовольно пробурчала подруга. – Что-то случилось?

– Я... у меня бабушка умерла.

– Ты говорила. Еще неделю назад.

– Тогда я не знала, что ее...

– Что у вас, третья парта? – сердито одернула их литераторша. И вовремя. Холли чуть было не ляпнула про то, о чем бабушка велела молчать. Интересно, а бабушка сама знает, кто ее убил? И почему? Наверное, она как-то могла бы сказать об этом... Или она специально... Специально ничего не сказала, чтобы Холли не лезла куда не нужно? И поэтому же отняла и Зрение? И даже не посчитала нужным спросить у самой Холли или хотя бы предупредить... Как будто Холли

– малявка или безмозглая дура...

Бабушка никогда раньше так с ней не поступала. Никогда! Почему же сейчас...

Когда Холли переодевалась на физкультуру, рукав спортивной куртки за что-то зацепился, и она сперва не могла понять – за что, сердито дергая то в одну сторону, то в другую. Потом вспомнила – браслет же! И похолодела: браслета не было. «Бабушка меня убьет! То есть не убьет, конечно... Она уже ничего не сделает...» Холли почувствовала, что от этой мысли на глаза наворачиваются слезы.

Бабушка никогда на нее не кричала, даже не повышала голос. Она просто огорчалась, когда Холли что-то делала не так. И странно – это было куда хуже, чем когда орала мама. И сейчас бабушка бы расстроилась, потому что она говорила: браслет надо беречь, другой такой сделать непросто. А сейчас его некому будет сделать. «Как я могла его потерять?! – ужаснулась Холли. – Он раньше никогда не терялся, я в нем и плавала, и бегала, и...»

Холли протянула дрожащую руку – освободить непонятно за что зацепившийся рукав – и наткнулась пальцами на браслет. Он был на прежнем месте, просто Холли его теперь не видела.

Дрожащими пальцами она распутала завязки. Браслет соскользнул в ладонь прохладной змейкой.

– Ой, какая фенечка интересная! – воскликнула Маришка. – Дай посмотреть!

– Ты его видишь? – растерянно спросила Холли, глядя на узкий браслет, сплетенный из тьмы и лунного света, с отражением луны и росинками, снятыми на заре с хрустальных колокольчиков.

– Что значит – вижу? – удивилась Маришка. – Он из чего? Из кожи? Или из ниток?

– Из тьмы и лунного света, – хмуро сказала Холли, которая в первую секунду понадеялась, что Зрение вернулось. Но оказалось, просто браслет становился видимым, когда его снимали. Наверное, чтобы не потерять. Специально для таких слепых, какой теперь стала Холли.

– Красиво, – восхищенно сказала Маришка и потянулась к браслету. – Можно померить?

– Это подарок, – буркнула Холли и убрала браслет в карман.

Маришка посмотрела на нее растерянно, потом хмыкнула, сказала: «Подумаешь», – и отвернулась. Кажется, она обиделась, но Холли было сейчас не до этого.

* * *

Бегать на длинные дистанции – то есть все, которые больше ста метров, – Холли терпеть не могла. Еще ладно, когда по парку, но обычно их гоняли вокруг спорткомплекса, по дорожке, чтобы никто не жульничал и не пытался сократить расстояние. Два километра – пять одинаковых кругов. Тоска

зеленая. Впрочем, сейчас Холли было наплевать, что делать. Ей было даже наплевать, что Маришка обиделась. И даже не хотелось вырваться вперед, чтобы быстрее разделаться с дурацкими кругами. Холли просто трусила в самой толпе, хотя раньше бы так делать не стала. Сейчас ей было все равно. И вдруг ее будто обожгло. Будто кто-то плеснул ледяной водой в спину. Холли вздрогнула, но заставила себя не оборачиваться, только чуть повернула голову и взглянула краем глаза на типа в сером пальто, который, сгорбив широкие плечи, угрюмо смотрел на бегущих школьников. Высокий, небритый, угловатый, с коротким ежиком седых волос и с бледным помятым лицом. Обыкновенный. И страшный. От него веяло такой жутью, что Холли чуть не задохнулась. Сердце заколотилось так, что стало трудно дышать, и ноги чуть не подкосились от внезапной слабости.

И хотя у Холли сейчас больше не было Зрения, она точно знала, какая Тень стоит за спиной серого человека.

* * *

Бабушка специально водила ее по городу и учила смотреть разные Отражения. И, конечно, отвечала на сотни вопросов, которые появлялись у Холли.

– А почему обычно светлые отражения просто Светлые, такие, как будто белые, только бледные, а у мамы – бледное, но немножко золотое, а у тебя – такое яркое и серебряное?

– Так и есть – умница, Цветочек, ты правильно заметила.
У обычных людей светлые отражения белые.

– Значит, вы – необычные люди?

– Мы, Цветочек.

– И я тоже? А почему я не вижу...

– Потому что свое отражение ты увидеть не можешь. И уж тем более в зеркале ты его не рассмотришь, не пытайся, – бабушка Берта усмехнулась. – В зеркалах бывают совсем другие отражения. А посмотри теперь на меня.

– Ой!

– Видишь? – Берта Аскольдовна довольно улыбнулась.

– Ты стала... То есть твое Отражение стало как обычное... как у обычных людей – просто Светлое и тусклое...

– И твое теперь такое же, Цветочек. Пока на тебе браслет, который я тебе дала. Он прячет тебя, делает обычной. Не снимай его никогда. Только если ты уверена, что осталась одна и никто тебя не увидит.

– Почему?

– Потому что Истинное зрение есть не только у нас с тобой. И не нужно, чтобы кто-то знал, какая ты на самом деле. Есть существа, которые... охотятся на нас... И если они возьмут твой след, от них уже будет невозможно спрятаться. И очень трудно спастись. Не бойся, Цветочек, – бабушка обняла Холли, погладила по голове. – Я тебя не хочу пугать, но нужно, чтобы ты это знала. Если ты не будешь снимать браслет, тебя никто не увидит.

Холли задумалась, осторожно перебирая тонкие нити своего браслета. Они были странные – прохладные и одновременно теплые. Серебристые, из лунного света, скользили между пальцев невесомо, будто и вправду лучи света, которые невозможно поймать и удержать. А черные были шершавыми и мягкими, как настоящая шерсть, и даже теплыми на первый взгляд, но чем дольше задерживаешь их в руках, тем холоднее они становятся, так, что кончики пальцев начинают постепенно неметь.

– А у папы тоже есть такой браслет?

– Да, – чуть помедлив, ответила бабушка.

– И он тоже... знает? – удивленно спросила Холли.

– Нет, – опять замявшись, ответила бабушка. Заметила вопросительный взгляд внучки и неохотно пояснила: – Знал. Когда-то. Теперь забыл.

– Как можно такое забыть? – изумилась Холли.

– Можно забыть что угодно, – бабушка мягко улыбнулась, и Холли показалось, что она – что-то скрывает? Или не хочет объяснять?

– Это – вопрос времени и желания. Или нежелания, – туманно сказала Берта Аскольдовна. И тотчас пресекла дальнейшие расспросы: – Мы отклонились от темы, милая. Ты хотела еще что-то спросить про Отражения?

Холли хотела спросить про папу, но поняла, что бабушка сейчас ничего не скажет. Может, когда-нибудь потом? Надо будет обязательно спросить ее еще раз. К тому же про Отра-

жения тоже было очень интересно.

– Значит, – нахмурившись, уточнила Холли, – светлые отражения могут быть разными – просто белыми у обычных людей, золотыми и серебряными... у необычных?

– Верно.

– А Темные? Почему они одинаковые?

– Потому что свет может быть разный, а тьма – это всегда тьма. Но они неодинаковые, Цветочек. Пойдем прогуляемся. Проедем, пожалуй, в метро. И я тебе покажу. Только запомни кое-что сначала. Я покажу тебе, на что смотреть, но ты должна будешь смотреть очень осторожно. Не привлекай внимание. Если испугаешься – не показывай этого. Справишься? Или отложим на потом?

Холли быстро закивала. Потом, сообразив, что бабушка может не понять, на что она отвечает, сказала:

– Справлюсь. Конечно.

Хотя на самом деле ей было немного страшновато. Но и очень интересно – что это за Отражения, которых можно так сразу испугаться? К тому же бабушка Берта ведь рядом – что такого может случиться?

Как оказалось, бабушка предупреждала не зря. Сама Холли, наверное, не различила бы эту Тень. В вагоне было много народа, люди стояли вплотную друг к другу, они смешивались с Отражениями и Тенями, и ничего было толком не разобрать. Холли очень не любила такие толпы, у нее от всего этого кружилась голова, иногда ее немного подташнива-

ло, и она старалась смотреть куда-нибудь в сторону – в стену или на пол, только не на людей. Поэтому сама, без бабушки, она бы ничего не разглядела.

В первый момент Холли решила, что ошиблась. Потому что так не бывает. Но потом тот – человек? – вышел из вагона, и бабушка, легонько подтолкнув Холли, шагнула следом. На середине платформы толпа немного поредела, и тут все стало видно отчетливо. Холли с трудом сдержала вскрик. Берта Аскольдовна как-то почувствовала ее ужас заранее – и предупреждающе сжала ладонь. А потом и вовсе приостановилась и повернула к эскалаторам, ведущим на поверхность. И вовремя: жуткий тип, от которого Холли не могла оторвать глаз, будто почуял ее внимание и быстро обернулся, шаря взглядом по толпе. Но бабушка уже уводила Холли прочь.

На эскалаторе она обняла ее за плечи, прижала к себе, и только тут Холли поняла, что дрожит.

Все так же, крепко обнимая, бабушка отвела ее в сторонку от выхода, к лавочке под деревьями.

– Дыши, – сказала ей бабушка. – Смотри на небо, считай листья. Смотри, какие они красивые, когда сквозь них светит солнце.

Холли послушалась. И через несколько жадных и глубоких вдохов ей стало лучше, ледяной липкий ужас немного отступил, и она смогла говорить.

– Что это было? – дрожащим шепотом спросила она.

– Мы чувствуем перед ними безотчетный ужас, – мягко

сказала бабушка, согревая в своих ладонях застывшие пальцы внуки, – от одного присутствия. Нам даже необязательно их видеть. Это защитная реакция, инстинкт, потому что они опасны для нас. Потому что они умеют нас видеть. Инстинкты полезны – в общем. Они заставляют вовремя почуять опасность и убежать. Но не сейчас. Не для тебя. Поэтому тебе нужно учиться с ними бороться. Пока на тебе браслет, ты невидима. Запомни это. И не забывай даже тогда, когда тебе становится страшно так, как сейчас. С этим страхом надо уметь справляться. Если ты не будешь бояться, *они* не смогут тебя почуять. И тогда ты будешь невидима по-настоящему. Понимаешь?

– Кто они? – сглотнув, спросила Холли. Она не хотела знать ответ. Она бы хотела просто сидеть на этой лавочке, смотреть на зеленые листья, чувствовать ветер на лице. И никогда не видеть того жуткого типа, который сейчас ехал в темном тоннеле под землей – Холли надеялась, что куда-нибудь подальше отсюда. А еще лучше было бы вообще не знать, что такие существуют. Такие, перед которыми Холли испытывает «безотчетный ужас».

– Что ты видела? – спросила Берта Аскольдовна.

– У этого... – начала Холли и запнулась. Несмотря на его внешнее, видимое всем прочим, лишенным Истинного зрения, сходство с людьми, она не смогла назвать его человеком. – У него не было Отражения. Светлого отражения, я имею в виду. А его Тень... его Тень была как зверь. Как чу-

довище... – совсем тихо закончила она и посмотрела на бабушку с отчаянной надеждой, что та переубедит Холли, объяснит, что с перепугу она разглядела что-то не то.

– Да, – сказала бабушка. – Ты увидела верно.

И улыбнулась. Холли вздрогнула от ее улыбки.

– Умница, Цветочек. Времени было мало, ты испугалась, он едва тебя не почуял, но при этом ты все увидела верно. Это хорошо. Нужно будет еще немного потренироваться, чтобы ты научилась не бояться в их присутствии.

– Нет! – Холли с ужасом посмотрела на нее. – Только не заставляй меня встречаться с ним снова!

– Необязательно с ним, – опять улыбнулась Берта Аскольдовна. – Есть и другие. В чем прелесть большого города – тут можно найти кого угодно. И с таким же удовольствием потерять, – непонятно добавила она, но Холли не обратила на это дополнение никакого внимания, поглощенная страхом.

– Пожалуйста, – пролепетала она, – не нужно...

– Цветочек, – голос бабушки был мягким, но Холли с отчаянием узнала эту интонацию, которая означала, что переубедить Берту Аскольдовну не выйдет. – Это необходимо. Тебе нужно научиться. И когда-нибудь это умение спасет тебе жизнь. Иначе нельзя, поверь мне. Мы не будем торопиться и делать это прямо сейчас. Позже, когда-нибудь. А сейчас отдохнем. Поедим мороженое?

Теперь Холли не умела видеть Отражения, но могла поспорить, что у типа, который пялился на бегущих школьников, не было Светлого. А его Тень была похожа на зверину. И он не был человеком, разве что только с виду.

Ужас в первое мгновение чуть не лишил ее сил и дыхания. Но в следующий же миг, почти не задумываясь, Холли одним быстрым мысленным движением отодвинула этот ужас в сторону. Совершенно так, как учила ее бабушка. Материализуешь – потом нейтрализуешь. Звучит заумно, но на самом деле проще простого. Нужно просто представить свой страх в виде какого-нибудь объекта – то есть предмета или животного. Например, пушистого, дрожащего от страха кролика. И – вместо того, чтобы занимать весь мир, он превращается всего-то в маленький белый меховой комочек. Мило и даже немного смешно. А с кроликом уже можно сделать что угодно. Посадить в клетку и задвинуть ее куда-нибудь в угол, с глаз долой, пусть себе трясется там от страха сколько угодно, не мешая тебе. Или – высший пилотаж – накрыть кролика шляпой – и вуаля, изящное движение тонкой бабушкиной руки, фокус-покус – вместо кролика под шляпой оказывается, скажем, бумажный цветок. Или револьвер, которым можно застрелить то, что тебя пугает. Все эти манипуляции только сперва звучат слишком долго, а потом, когда набьешь

руку, все получается само собой, в один момент.

Поэтому уже через пару секунд Холли выровняла дыхание и чуть прибавила темп, догоняя основную толпу медленно трусящих одноклассников. Лучше спрятаться среди них, на всякий случай. Конечно, если она не боится – значит, Зверь ее не почует. А раз не почует, значит, и не увидит...

И тут ужас едва не лишил ее дыхания во второй раз. Увидит! Идиотка, он же сейчас может ее увидеть, потому что Холли сняла браслет, несмотря на предупреждение бабушки! Чувствуя холодеющим затылком жадный взгляд Зверя, Холли нащупала в кармане гибкую змейку браслета. Ее пальцы тряслись. Не останавливаться. Пока она в толпе и все двигаются, он не разберет, где тут чье отражение. Не паниковать. Пока она не боится, он не сумеет ее почуять. Не уронить браслет. Завязать его, очень аккуратно, незаметно и быстро – чтобы Зверь не успел понять, что к чему. Не оглядываться. Стоит ей хотя бы раз покоситься в его сторону – и он поймет, кто она такая. Бежать дальше, как ни в чем не бывало, не меняя темп, не сбивая дыхание. А потом, на следующем круге, можно будет посмотреть на него мимоходом, ни в коем случае не выдавая своего страха.

На следующем круге Зверя не было. Ушел, потому что понял, что ошибся – ему показалось, а на самом деле среди школьников нет никого... такого, как Холли? Такого, кого Зверь искал... для чего? Нет, Холли даже думать об этом не

будет. Зверь понял, что никого нет, и просто ушел. Вот и хорошо.

Или, наоборот, он ушел потому, что все понял? Потому что как раз успел разглядеть Холли?

«Нет, – решила она, чувствуя, как опять начинает испуганно колотиться сердце. – Я даже думать об этом не буду».

Потому что если он успел ее разглядеть, уже ничего не исправить. Если даже бабушка их боялась, что сможет сделать Холли? Особенно теперь, когда у нее даже нет Зрения? Когда она практически слепа, а значит – беспомощна. Конечно, другие люди прекрасно живут всю жизнь без Истинного зрения и даже не замечают, чего лишены, но это совсем другое. Ведь если, положим, человек слеп от рождения, он привыкает обходиться без зрения. А если он двенадцать лет жил зрячим и вдруг ослеп – первое время он даже не сможет нормально ходить, будет на все наткаться, спотыкаться, падать и вообще будет чувствовать себя беспомощным.

Так, как сейчас чувствовала себя Холли.

«Зачем ты сделала это со мной? Зачем?! За что?!» Но бабушка, конечно, сейчас уже не могла ни услышать ее вопрос, ни ответить на него.

– С тобой все в порядке? Ты какая-то сегодня странная...

Холли вздрогнула. И заметила, что раздевалка уже опустела, а она все сидит на скамейке, в мокрой насквозь футболке, дрожит от крупного озноба и пытается не разреветься.

– Да, – резко ответила она Маришке, – все хорошо. Спасибо.

И подумала: «Пусть она уходит. Если она спросит еще раз, я не выдержу. Я действительно расплачусь и все ей расскажу. А этого нельзя делать».

– Ну как знаешь, – Маришка обиженно пожала плечами, подхватила свой рюкзак и вышла.

«Отличный день, – подумала Холли. – Я узнала, что бабушку кто-то убил. Потом я ослепла. Потом встретила Зверя – именно сейчас, когда мне не у кого просить помощи и даже совета. И когда я ничего не вижу. А сейчас я, кажется, поссорилась с единственной подругой. Просто прекрасный день».

И она все-таки расплакалась. Благо этот урок был последним и в раздевалке никого не осталось.

Конечно же, Маришка и не подумала ее ждать. И вообще, все одноклассники разошлись. Холли вышла на школьное крыльцо в гордом одиночестве. И тут же увидела Зверя, который стоял, чуть сгорбившись, спрятав руки в карманы расстегнутого пальто, и пялился на дверь школы.

У Холли перехватило дыхание от ужаса. Если бы она заметила его чуть раньше, она бы не стала выходить. Вернулась бы обратно. Спряталась бы в школе. Что-нибудь придумала. Например, позвонила бы папе и попросила приехать.

Но теперь было поздно. Дверь захлопнулась за ее спиной.

Если Холли бросится обратно, Зверь заметит ее испуг. Почует ее. Бабушка говорила – ему необязательно видеть, он может почуять. Так, как мы чувствуем их.

Зверь посмотрел на Холли. Его взгляд был неторопливым, задумчивым и тягучим – как липкий приторный мед. Холли почувствовала, что вязнет в нем, будто неосторожная мошка, подлетевшая слишком близко. Застывает, прилипает к смерти, лишаясь способности шевелиться и даже дышать.

«Нет! – заорала она сама на себя. – Двигайся! Идиотка, двигайся! Веди себя будто его нет, будто ты его не видишь и не знаешь, кто он... Будто ты... Другая девочка!»

Точно, обрадовалась Холли, с облегчением ныряя в противный, но такой знакомый маскарадный костюм Другой девочки. Заучка, зубрила, правильная до тошноты, никаких странностей, никакого Истинного зрения, она даже не допускает, что могут существовать подобные вещи, она не верит ни в призраков, ни в Отражения, ни в лесных зеленых человечков и тем более – не знает, кто такие Звери. А значит, она не боится их.

Холли спустилась со школьного крыльца на деревянных ногах, не глядя по сторонам. Мысленно она повторяла, что сегодня задано на дом. Другая девочка, разумеется, знала это все наизусть. Она напряженно размышляла, с чего начать – с математики или сочинения. Сочинение понадобится только послезавтра, но такую большую работу лучше начать заранее. К тому же завтра – музыкальная школа, это тоже надо

учитывать.

Глаза у Зверя были песочно-желтые, с острой точкой зрачка посередине. Похожие глаза — а главное, совершенно такой взгляд Холли видела как-то у льва в зоопарке. Он сначала дремал, растянувшись на бетонном полу клетки — с виду совершенно нестрашный, со спины похожий на большую, слегка линялую пыльную плюшевую игрушку. А потом он поднял голову и посмотрел на Холли. Сытым, ленивым и почти равнодушным взглядом. Вся штука была в этом самом «почти». В мимолетном интересе, на долю секунды мелькнувшем в зверином взгляде. Лев посмотрел на Холли так, как только что пообедавший человек смотрит на вчерашний ужин. «Неплохо-неплохо, я бы, пожалуй, съел это, если бы был голоден, но не сейчас. К чему мне сейчас еще одна котлета, к тому же остывшая. Вот если бы десерт...» А потом лев зевнул, блеснув белыми лезвиями клыков в ярко-алой пасти, и снова положил голову на толстые лапы и сонно прикрыл глаза. Холли, затаив дыхание, осторожно отошла от клетки. На нее впервые посмотрели как на еду. И ей не хотелось больше переживать это ощущение.

Сейчас Зверь посмотрел на нее точно так же. Только не было клетки с двойной решеткой, толстыми стальными прутьями и прочными запорами.

Если бы не уроки и тренировки с бабушкой Бертой, Холли бы не выдержала. Даже маска Другой девочки ее бы не спасла. Но бабушка учила проходить мимо Зверей так, буд-

то Холли их не замечает. Превращать «безотчетный ужас» в маленького трусливого кролика, прятать его в шляпу, отодвигать подальше и идти дальше так, будто этого кролика не существует. Бабушка заставляла делать это снова и снова, пока Холли не привыкла и превращение «страх – кролик – шляпа» не стало получаться у нее само собой. Поэтому сейчас, несмотря на то, что она была одна, взвинчена и уже напугана, у нее получилось пройти мимо Зверя. Не закричать от страха, не броситься бежать. Даже не споткнуться.

К остановке подъехал автобус. Холли он был не нужен, до дома было минут пять через дворы – и в другую сторону, но она быстро, ни секунды не раздумывая, впрыгнула в раскрывшиеся двери. Ей хотелось уехать отсюда как можно быстрее, все равно куда. И только когда автобус тронулся, она оглянулась.

Зверь задумчиво смотрел вслед автобусу.

Холли дождалась, пока остановка скроется из виду, и с облегчением опустилась на свободное сиденье. И только тогда заметила, что ее трясет. Будто в ознобе при гриппе, когда поднимается температура и никак не согреться, сколько одеял на себя ни натягивай. «Вот и хорошо, – подумала она, замечая, что голова кружится и в глазах плывет, – если заболеть и не выходить из дома хотя бы недели две, этот Зверь точно меня не найдет». Но когда она добралась до дома, озноб прошел, оставив только ватную слабость в ногах.

Зрение тоже пришло в норму – то есть к тому убогому состоянию, которое с этого дня Холли придется считать нормой.

«Зачем ты это сделала со мной?!» – опять спросила Холли ушедшую бабушку. Она чувствовала гнев, беспомощность и отчаяние – потому что все эти вопросы теперь были бессмысленны. Бабушкин поступок выглядел как издевательство. Сперва она дала Холли Черный гребень, а потом отняла у нее Зрение. Сделала слепой и беспомощной. Как будто мало того, что Холли и так осталась одна. И вдобавок, бабушка лишила ее всякой возможности воспользоваться гребнем, который при случае мог быть как инструментом, так и оружием. Но без Зрения он становился абсолютно бесполезен. Зачем она это сделала?!

Обычно Берта Аскольдовна ничего не делала просто так. Когда она заставляла внуку привыкать к Зверям, снова и снова переживать страх и бороться с ним, Холли злилась на нее. Упрашивала прекратить ее мучить, иногда даже плакала. Но сегодня уроки бабушки спасли ей жизнь.

Может быть, ее последние дары – Черный гребень и слепота – тоже были каким-то уроком? Только Холли пока не понимала, каким. А спросить больше было не у кого.

Тьма и лунный свет

Бабушка умела прясть лунный свет.

Она расчесывала его Хрустальным гребнем до ярких серебряных искр, а потом потихоньку запускала колесо прялки и, негромко напевая песню Луны, начинала вытягивать нить. Мерцающая и переливаясь, лунный свет тек между ее пальцев, бабушкина песня перемешивалась с летним ветром, шелестом деревьев в саду, запахом жасмина и роз и соловьиными трелями.

Лунный свет нужно было прясть в полнолуние и два дня после него, тогда нити получались прочные и яркие. На растущей луне пряжа была мягкая, как пух, очень приятная на ощупь – тронув ее раз, потом невозможно было выпустить из рук, и от ее нежного касания хотелось улыбаться. Но такие нити легко рвались. А вот нити, спряденные на убывающей луне, совсем никуда не годились: они были колючие и тусклые, и от прикосновения к ним кожа чесалась, могло дойти до экземы и галлюцинаций, как говорила бабушка Берта.

«А что ты хочешь, Цветочек: лунный свет – не козий пух, с тем-то тоже, конечно, надо уметь обращаться, но козья шерсть не доведет тебя до больницы, разве только попадетсЯ бодливая бешеная коза со слишком острыми рогами. А вот лунный свет – запросто. Чего уж говорить про Тьму».

С Тьмой-то вообще нужно быть особо осторожным. Для

Тьмы есть специальный Черный гребень, и ни в коем случае нельзя касаться Тьмы чем-нибудь другим, кроме этого гребня, или делать это в другую ночь, кроме безлунной.

«С Черным гребнем, Цветочек, нужно обращаться особо осторожно. Хранить его в отдельной шкатулке, черной изнутри, белой снаружи – так и ему будет спокойно, и тебе безопасно. И не вздумай, например, сама расчесаться им случайно. Тут не отделаешься одними галлюцинациями, хорошо если вообще потом вспомнишь, кто ты».

Хрустальным гребнем, конечно, тоже просто так причесываться не стоит – но особой беды от этого не бывает. Разве что при неумеренном употреблении – разные безобидные фантазии, которые, впрочем, легко смываются порцией свежего лунного света.

Бабушка Берта сама иногда проводила Хрустальным гребнем по своим волосам разок-другой, от этого волосы начинали блестеть и искриться – куда там всяким дурацким рекламкам модных шампуней. И лицо вроде бы молодело, хотя, казалось бы, какое отношение гребень имеет к лицу. А настроение в такие дни у бабушки становилось улыбчивым и даже чуть легкомысленным.

Заинтересовавшись, Холли однажды для интереса стащила Хрустальный гребень – благо бабушка никогда его особенно не прятала, в отличие от Черного. Сперва думала тоже провести по волосам лишь разок – как бабушка. Но неожиданно увлеклась. От каждого прикосновения гребня прока-

тывалась волна щекотных мурашек от макушки до пят, и становилось тепло, приятно и очень смешно. А разноцветные искорки и яркие солнечные зайчики, которые так и разбегались от Хрустального гребня во все стороны, были такими красивыми, что хотелось любоваться ими бесконечно. Холли не смогла оторваться от гребня сама – ее остановила бабушка.

– Ну хватит, – ворчливо сказала она, вырывая гребень из рук Холли, – так можно и вовсе дурочкой сделаться.

Холли захныкала, не желая расставаться с гребнем, но тотчас забыла про потерю – потому что даже когда бабушка забрала его, оказалось, что все вокруг усыпано сверкающими яркими искорками. Это было так красиво и здорово, в сто раз лучше, чем новогодние гирлянды и конфетти на елке. И даже чем подарки. И каникулы. И даже чем целое лето у бабушки, которое только началось. Холли счастливо засмеялась.

– Вот про это я и говорю, – вздохнула бабушка. – Не вздумай больше брать его без спроса, ты пока не умеешь с ним обращаться... Да что я тебе говорю, ты сейчас все равно ничего не поймешь и не запомнишь, – бабушка Берта досадливо махнула рукой. – Давай лучше чайку тебе заварю травяного, он чуток уменьшит эффект.

Чай оказался замечательным, невероятно вкусным, и, главное, искорки плавали и в нем и подмигивали Холли. Какой чудесный день, говорили они, посмотри, посмотри во-

круг! Как красиво и хорошо!.. Холли опять засмеялась, оставила кружку в сторону и побежала в сад – успеть поскорее насмотреться на цветы, небо, птичек и бабочек, надышаться волшебными запахами. Как это она раньше не замечала, что все такое красивое!

– Цветочки! – воскликнула Холли, счастливо улыбаясь. – Муравейчик! Посмотри, бабушка, какой миленький! Пчелка!

– Мда, – вздохнула бабушка, – поздновато я тебя остановила. Гляди-ка, даже чаек не помог...

Холли не обратила на ее слова никого внимания. Счастливая и довольная, она бегала от одного края сада до другого, останавливаясь ненадолго – полюбоваться на забавных и милых муравьишек, серьезного шмеля, купающегося воробья, листики и цветы. Каждый цветок и даже бутон казался ей верхом совершенства, и хотелось смотреть на него бесконечно, отслеживая взглядом все оттенки цвета, тонкие прожилочки, будто присыпанные звездной пылью нежные лепестки. Но и остановиться надолго было невозможно – потому что тогда не успеешь посмотреть другие цветы и листики. В конце концов Холли так измучилась, выбирая, что делать, куда бежать и на что смотреть, что чуть не заплакала с досады. Хорошо, калитка почему-то оказалась заперта и не получилось выйти за пределы сада – потому что, с одной стороны, там ведь тоже было столько всего прекрасного и интересного, но с другой – тогда можно было совсем потеряться

и запутаться.

К вечеру ноги у Холли гудели и подкашивались, она отчаянно зевала, но спать было жалко до слез – как оставить всю эту интересную красоту? Вдруг она куда-нибудь исчезнет завтра?

Бабушка дождалась луны и крепко взяла Холли за руку, пресекая ее беспорядочные метания. Та уже слишком устала, поэтому только вяло сопротивлялась. Бабушка поставила ее на перекрестье садовых дорожек, залитое лунным светом, шлепнула легонько, чтобы стояла смирно, а потом щедро зачерпнула этот свет – прямо так, из воздуха. Холли даже рот от изумления открыла – так красиво заплескался лунный свет в бабушкиных ладонях, будто молоко, разведенное с алмазной и серебряной пылью. А потом Берта Аскольдовна опрокинула это сияющее молоко Холли на макушку и легонько растерла пальцами – по затылку, щекам и векам. Холли почудилось, что и вправду в глаза залилось что-то, мешающее смотреть, – молоко не молоко, искристая прохладная жидкость, от которой стало сперва щекотно, потом холодно, а потом – тепло. Холли ойкнула и отпрянула, а когда проморгалась, все вокруг как-то изменилось. Вроде бы дорожки, кусты и цветы, залитые лунным светом, все те же, но уже ничего в них нет такого особенного. По крайней мере, бросаться и жадно смотреть на листочки уже не хотелось. Более того – это казалось каким-то глупым. Холли широко и устало зевнула и почувствовала, как подкашиваются ноги.

– Ага, – довольно сказала Берта Аскольдовна, подхватывая ослабевшую Холли под локоть, – вот и ладно. Хорошо хоть полнолуние, иначе провозились бы полночи.

На следующее утро Холли было плохо. Болело все тело, голова, и почему-то немного слезились глаза.

– Это, деточка, у обыкновенных людей называется похмелье, – поучительно сказала бабушка, протягивая внучке кружку с горячим чаем. – Хотя и достигают его они другими способами, но результат примерно такой же.

Холли протестующее замычала: от мысли, что нужно пошевелиться и – ужас! – что-то пить, ее замутило. Но потом от чашки пахнуло мятой и тимьяном. Холли, поморщившись, – в голове ныло от каждого движения, будто там тоже было полно перетруженных мышц, – жадно припала к кружке.

– Зачем? – спросила Холли, когда наконец обрела способность говорить.

– Что? – бабушка удивленно выгнула бровь.

– Зачем они его достигают? Этого. Похмелья.

– Не зачем, а почему. У тебя, кажется, случилась та же история?

Бабушка заметила недоуменный взгляд Холли, которой сейчас с трудом давались даже простейшие умозаключения, и, сжавшись, пояснила:

– Люди, Цветочек, часто делают что им хочется, не задумываясь о последствиях. С одной стороны, когда жизнь коротка, скучна и предсказуема, такой подход имеет право на

существование. Но с другой стороны, так она становится еще короче, скучнее и совершенно прискорбно предсказуемой. Поэтому, Цветочек, если тебе хочется избежать этого применительно к твоей жизни – не злоупотребляй сиюминутными удовольствиями, искажающими реальность.

– А в следующий раз, – сказала бабушка позже, когда Холли более-менее пришла в себя и к головной боли добавился стыд за вчерашнее дурацкое поведение. – В следующий раз, Цветочек, прежде чем брать чужие вещи, хотя бы сперва спроси, как с ними обращаться.

– Извини, – смущенно ответила Холли.

– Не потому, что мне жалко. – Бабушка, кажется, даже не заметила ее извинения. – А потому, что незнакомые вещи, даже безобидные с виду, могут оказаться опасными. Это ты еще легко отделалась. Но не вздумай взять Черный гребень. Тут даже я не смогу ничего исправить. Не стану и пытаться, потому что в этом случае можно сделать только хуже. И ты останешься беспамятной дурочкой до конца жизни. Будет очень жаль, потому что я планировала еще много чего тебе рассказать.

Позже Холли подумала, что, возможно, бабушка специально не стала ее останавливать и отбирать Хрустальный гребень. Чтобы Холли почувствовала это сама. И чтобы после этого даже не думала прикасаться к Черному гребню.

Черным гребнем бабушка расчесывала Тьму.

Тьму нужно было прясть в ночь новолуния, в полной тишине, не петь и не разговаривать, чтобы песни и слова не смешались с пряжей и не испортили ее. В черную пряжу можно было добавить только звук кошачьих шагов, еле слышный шелест листьев в безветренную ночь, шорох крыльев летучих мышей и ночных птиц, запах осеннего дождя, палых листьев, созревших яблок и мятного чая. С ингредиентами ни в коем случае нельзя было ошибаться. Добавишь звук человеческих шагов, а не кошачьих, или слишком сильный ветер – и вместо того, чтобы защитить и успокоить, вещь из черной пряжи будет насыщать страхи и кошмары, а то и доведет до безумия.

Что происходит с человеком, когда его касается Черный гребень, Холли узнала позже. Бабушка позволила ей смотреть, и увиденное убедило Холли раз и навсегда, что лучше и вправду лишний раз не притрагиваться к этому гребню. На всякий случай.

* * *

Зверь появился возле дома Холли через два дня.

Холли уже не то чтобы забыла про него – разве такое забудешь, – но поверила, что больше его не увидит. Еще она иногда думала, что сама могла ошибиться – теперь-то у нее не было Зрения, и она не могла разглядеть – Зверь это был

на самом деле или нет. А испугаться, в конце концов, можно чего угодно. Слишком многое случилось в ту ночь: она не спала, плакала, расстроилась – и придумала то, чего на самом деле, возможно, не было.

Она гуляла с Фреки. И, задумавшись, едва не налетела на Зверя. Он появился внезапно – будто вылепился из движущихся от ветра теней деревьев. Наверное, он умел ходить бесшумно, как настоящий зверь.

Холли сначала не узнала его – просто отпрянула от неожиданности, когда высокая фигура возникла прямо перед ней. А потом вспомнила. Сгорбленный силуэт возле школы, серое пальто, взгляд сытого, но опасного хищника. И чуть не заорала от ужаса.

Ее спас Фреки. Он выпрыгнул из кустов – маленькая взъерошенная рыжая молния – и кинулся на Зверя с истошным лаем. Холли опомнилась. И пока ошеломленный Зверь медленно отступал от разъяренного Фреки, уворачиваясь от щелкающих в воздухе зубов, она сумела справиться с ужасом. Страх – кролик – шляпа. Кролик визжал от страха, но Холли это уже почти не отвлекало.

– Фре... Фредди! – она кинулась к псу, сама не понимая почему назвав его другим именем. Ей не хотелось, чтобы Зверь слышал настоящее имя Фреки. Чтобы он вообще узнал что-то про Холли, хотя бы даже имя ее собаки.

Руки дрожали, но со стороны, наверное, это было незамет-

но, потому что Фреки прыгал и вертелся, продолжая лаять и пытаясь ухватить Зверя за ногу или локоть. Через некоторое время Холли все же удалось прицепить к ошейнику поводок и оттащить рычащего Фреки от Зверя.

– И-извините, – запинаясь, пробормотала Холли, вместе с Фреки отступая от Зверя подальше. – Он обычно спокойный, не знаю, что на него нашло. Фредди, фу, перестань! Извините, обычно он не бросается на людей... – Холли запнулась, сообразив, что говорит. «На людей». Фреки действительно никогда не бросался на людей.

Интересно, этот Зверь знает, кто он такой? Бабушка говорила – не все осознают себя. «Что ты хочешь, Цветочек, это вообще редко кому удастся. Люди, бывает, проживают целую жизнь и так и не понимают, зачем, почему и кто они вообще такие. Куда уж тварям, которые живут инстинктами и вообще редко задаются такими вопросами. К тому же им очень не хочется это делать. Обыкновенно, когда твоя внутренняя суть не совпадает с внешним обликом, осознавать себя как минимум неприятно, а чаще – мучительно. Так что в целом это происходит довольно редко. Но когда происходит, когда они начинают понимать, кто они на самом деле, – тогда они становятся особенно сильны и опасны».

Интересно, этот понимает? Холли так задумалась об этом, что на некоторое время даже забыла о своем страхе. И опомнилась только тогда, когда заметила, что слишком долго смотрит на Зверя – и тот, заинтересовавшись, тоже смотрит

на Холли с любопытством. Не тем жадным звериным любопытством, с которым он провожал бегущих школьников, видно тогда почуяв – или, скорее, заметив среди них Холли. С обыкновенным, человеческим любопытством. Пока человеческим – которое может в любой момент превратиться в звериный голод, как только он поймет, кто такая Холли. Она вздрогнула и поспешно отвела взгляд. Спасибо Фреки, который продолжал зло и грозно рычать и клацать зубами, – ей было чем заняться.

– Тихо-тихо, – строго начала она выговаривать псу, – как тебе не стыдно! Немедленно перестань! Пойдем-ка домой, пока ты еще не напал на кого-нибудь. Извините! – крикнула она Зверю, уже потихоньку отступив от него на приличное расстояние.

Зверь издал странный горловой звук – то ли рычание, то ли ворчание. Холли опять вздрогнула и только позже поняла, что он смеется.

– Ничего страшного, – насмешливо сказал Зверь, и Холли стало не по себе от звука его голоса – низкого и словно вибрирующего. Будто рычание проходило через какой-то звуковой фильтр и превращалось в человеческую речь.

Странно, что он вообще умеет говорить. Ну, конечно же, умеет – как бы иначе он жил среди людей. Просто Холли никогда раньше не слышала, как они говорят. Почему-то это оказалось страшнее, чем если бы он действительно зарычал. Как будто вдруг заговорил лев. Настоящий, а не какой-ни-

будь мультяшный, вроде Аслана из Нарнии. Тот вообще на льва не похож. Интересно, те, кто снимал фильм, хоть раз видели глаза настоящего льва? Как вообще можно было придумать такую совершенно невозможную ерунду? Добрый лев, ха! Точнее, даже не так, потому что доброта тут ни при чем, важнее несоответствие внешней и внутренней сути. Лев, который смотрит на человека и... разных травоядных животных как-то по-иному, не как на еду. Чем он, кстати, вообще питался там? Лев, который на самом деле вообще не лев. Это еще страннее, чем Зверь, который притворяется человеком.

– Я не боюсь маленьких собачек, – Зверь усмехнулся и посмотрел на Фреки. Наверное, взгляд был оскорбительным, потому что Фреки зарычал еще громче.

«Он не маленький», – чуть было не сказала Холли, но вовремя опомнилась. А если... Если он умеет видеть таких, как Холли, может быть, он может видеть, какой на самом деле Фреки? Холли похолодела. И подумала, что самое время наконец убраться подальше.

– Пойдем, Фре... дди, – строго сказала она, – пойдем, нам пора.

И потащила все еще упирающегося пса за собой. Хорошо, что еще нужно было обойти дом, а не заходить в подъезд под взглядом Зверя. Холли надеялась, что он не пойдет следом. Что делать, если пойдет, она не знала.

Но Зверь остался на месте, глядя им вслед, и Холли с трудом сдержалась, чтобы не обернуться. От его взгляда по за-

тылку бегали мурашки, и казалось очень неправильным вот так поворачиваться к нему спиной.

К счастью, все обошлось. Захлопнув за собой дверь, Холли перевела дыхание и подхватила Фреки на руки, не обращая внимания на то, что его лапы и длинная шерсть на пузе были в грязи.

– Спасены, – сказала она дрожащим голосом, прижимая его к себе. – Спасены. Теперь мы в безопасности. Он не найдет нас. Все будет хорошо.

Фреки заскулил и принялся вылизывать щеки Холли – и только тут она заметила, что плачет.

– Ты ведь видел его? – шепотом спросила Холли, прижавшись губами к мохнатому уху пса. – Видел, кто он, да?

Фреки опять заскулил и печально и виновато посмотрел на нее. Будто извинялся, что не смог ее защитить.

– Жаль, что ты не умеешь говорить, – вздохнула Холли. – А мне больше не у кого спросить.

Но на самом деле это было и необязательно. Было и так понятно, что Фреки видел Зверя. Потому что у него было Истинное зрение, в отличие от ослепшей Холли.

Невидимые двери

Фреки ей подарила бабушка на десятый день рождения.

В тот год она впервые показала Холли Зверей и начала учить не бояться их.

Первые уроки были весной, потом Холли приехала к бабушке на целых три чудесных летних месяца, а к началу учебного года бабушка привезла ее обратно в город. Как обычно, бабушка погостила пару недель, на этот раз омраченных не только скорым расставанием, но и продолжением пугающих уроков. А потом уехала и оставила Холли одну. То есть, конечно, с родителями, но на самом деле – одну. И тут Холли стали сниться кошмары. Про Зверей. Будто у нее не получается спрятаться и они находят ее. В попытках убежать от очередного Зверя Холли попадала в странные места, и каждый раз ей было все труднее из них выбраться. В основном это была знакомая реальность, но чуть искаженная.

Например, парк, где Холли любила гулять с папой. В кошмаре деревья там были мертвыми, засохшими, а сизое небо так низко нависало над ними, что, казалось, еще немного – и упадет на голову. Камни дорожек противно хрустели под ногами, а когда Холли приглядывалась к ним, оказывалось, что это вовсе не камни, а обломки костей. Она ускоряла шаг, чтобы скорее выбраться из жуткого места – бежать было нельзя, чтобы не услышал Зверь, который ходил где-то там,

в глубине парка, – он уже почуял Холли, но пока не нашел ее. Она выбиралась на центральную аллею, с облегчением переводила дух – потому что там, впереди, уже виднелась ограда, а значит, сразу за поворотом аллеи были ворота. В этот момент Холли обычно не выдерживала и срывалась на бег – потому что слышала приближающиеся шаги Зверя, взявшего ее след. Аллея поворачивала – и Холли утыкалась в ворота, запертые на висячий замок.

А несколько раз ворот там не было вовсе – просто сплошная решетка. Один раз, когда удалось добраться до этой решетки незамеченной, Холли пошла вдоль нее, надеясь все-таки найти выход. И обошла весь парк кругом, вернувшись к тому же самому месту. В ограде того парка не было прохода. Вообще. Бессмыслица. Хотя, кажется, и глупо ждать от кошмаров хоть какой-то логики. Но та ограда без выхода так напугала ее, что теперь Холли вздрагивала каждый раз, наяву проходя мимо парка по дороге в музыкальную школу. Раньше она сокращала дорогу через него, теперь не решалась даже подойти близко. И да, в том сне Зверь все-таки догнал ее там же, возле решетки, где должны были быть ворота. «Это сон, сон! Проснись! Давай же!» – мысленно кричала себе Холли, когда Зверь прыгнул на нее, но все никак не могла проснуться. Она заорала от ужаса и зажмурилась – и только тогда сумела вырваться из этого ужасного сна.

Еще одно место, где Зверь часто охотился за ней, – школа. Холли на цыпочках бежала по знакомым коридорам, дер-

гая двери запертых классов – конечно же, ни одна дверь не была открыта. Чаще всего Зверь настигал ее еще в этих коридорах, но несколько раз ей удавалось добраться до лестницы и добежать до выхода. Но входная дверь тоже оказывалась заперта. А пару раз ее вовсе не было. Точно так же, как ворот парка. Просто сплошная стена – там, где должна быть дверь. А однажды дверь поддалась под ее рукой и была очень тяжелая, Холли еле сдвинула створку. Нужно было спешить, потому что шаги Зверя уже раздавались на лестнице, и Холли отчаянно налегала на проклятую дверь – и та, наконец, распахнулась. Спасена! – хотела воскликнуть Холли и выскочить наружу – но вместо прохода за дверью оказалась заложенная кирпичом стенка. Из этого сна Холли тоже вырвалась с трудом, в самый последний момент, когда Зверь бросился на нее.

Она просыпалась в слезах, дрожа от страха, внасквозь мокрой от пота пижаме. Потом она стала бояться, что однажды все-таки не успеет проснуться и какой-нибудь Зверь все же догонит ее. Наверное, было глупо бояться того, что может случиться во сне. Но ведь Холли боялась их и наяву. С каждым днем ей было все сложнее выйти из дома, хотя на своих обычных маршрутах, – дом – школа – музыкалка, – Холли никогда до этого не встречала Зверей. Из-за кошмаров она стала бояться спать, и через некоторое время накопившийся недосып вымотал ее так, что она начала путать сон и реальность. К тому же невозможность сверить ту реальность, ко-

торая была открыта для нее благодаря Истинному зрению, с реальностью, видимой остальным, делала эту путаницу еще хуже.

Ситуация усугублялась с каждым днем. Холли теперь с ужасом открывала двери – любые двери, даже с виду безобидные стеклянные у магазинов, за которыми уж точно не могло быть никаких кирпичных стен. Что уж говорить о сплошных дверях – в подъезд, квартиру, школу, класс, даже школьный туалет. Приходилось дожидаться кого-нибудь другого, кто бы открыл дверь перед Холли – тогда, увидев, что за дверью нет ничего страшного, она решалась войти следом. Случалось, ей приходилось ждать по полчаса, пока кто-нибудь войдет или выйдет из подъезда. Хуже всего было с квартирой – когда никого не было дома.

Вдобавок Холли перестала различать призраков и живых людей и, бывало, заговаривала с первыми, пугая вторых. Спасало только то, что местных призраков она знала наперечет, а в незнакомые места сейчас старалась не ходить. Наверное, нужно было рассказать все бабушке, но Холли сперва не захотела ее волновать, понадеявшись, что все как-нибудь пройдет, а потом почему-то решила, что это еще один урок, с которым ей нужно справиться самой. К тому же она не представляла, как рассказать по телефону обо всем – когда она сама толком не понимала, что происходит. И как бабушка сможет помочь ей на расстоянии?

Неизвестно, чем бы это все закончилось, если бы Берта

Аскольдовна, каким-то образом почуяв неладное, вдруг не приехала сама.

– Так и знала, – сказала она прямо на пороге, – что дело неладно.

Мягко, но крепко она взяла растерянную Холли за плечи – та как раз пыталась понять, сон это или на самом деле, – и развернула к свету.

– А куда смотрят твои родители? – строго спросила Берта Аскольдовна, внимательно вглядываясь в лицо внучки и хмурясь.

– Папа на гастролях, а мама...

Бабушка Берта махнула рукой:

– Понятно, не объясняй. Это был риторический вопрос. Что ты сегодня ела?

– Я? Как-то в последнее время нет аппетита, и...

– Пойдем.

Берта Аскольдовна обняла ее за плечи и повела на кухню, даже не сняв сапог. Холли посмотрела на грязные следы, остающиеся на паркете, и вяло подумала: «Мама меня убьет». А потом сразу же: «Ничего она не сделает, ведь бабушка приехала».

– Бабушка, – всхлипнула Холли, – ты правда приехала?

– Правда, Цветочек, – подтвердила бабушка. Остановилась, крепко прижала к себе, погладила по спине. Шепнула дрогнувшим голосом: – Что же ты мне ничего не сказала, малышка?

– Я как-то... – смутилась Холли, только теперь сообразив, что было действительно глупо ничего не говорить.

– Неважно, – бабушка махнула рукой. Усадила Холли на стул, зазвенела посудой. Зашумел чайник, по кухне поплыл заворачивающий запах травяного чая. Заварку, видимо, бабушка привезла с собой.

– Сперва пей, потом ешь, после поговорим, – сказала она, водружая перед внучкой огромную чашку и тарелку с куском творожного пирога. Холли послушно сделала несколько глотков – и вдруг почувствовала, что действительно хочет есть – впервые за несколько последних дней. Пирог оказался чудесным – сладким, нежным, с поджаристой тонкой корочкой. Наевшись, Холли зевнула. Ее клонило в сон. И странно – мысль об этом не пугала. Наверное, потому что бабушка здесь – а значит, что может случиться плохого?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.